

18+

ВЯЧЕСЛАВ КИКТЕНКО

Русский Детектив. Время Оно

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ
В РЕДАКЦИИ

Вячеслав Киктенко
Русский детектив.
Время Оно. Рукопись,
найденная в редакции

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58859778

ISBN 9785005146786

Аннотация

Книга-миф. Книга-мистика. Поэзия. Книга делится на две линии: ПЕРВАЯ СИЛА и СИЛА ВТОРАЯ. Первая – обычные горожане, люди ЛИБИДО, ЖИЗНИ. Вторая – разочарованные в самой жизни, видящее лишь её тупиковость и бессмысленность, люди ТАНАТОСА, СМЕРТИ. Тут главная растяжка, коллизия всей книги: тяга к жизни и тяга к смерти. То есть, по сути, это и есть главный «Русский детектив». Во все времена русской истории.

Содержание

РУССКИЙ ДЕТЕКТИВ	6
ПИТ КЕЙНИ	7
РУКОПИСЬ НАЙДЕННАЯ В РЕДАКЦИИ	8
СЛОВАРЬ	14
ПЕРВАЯ СИЛА	18
СИЛА ВТОРАЯ	20
ПЕРВАЯ СИЛА	25
СИЛА ВТОРАЯ	28
СИЛА ВТОРАЯ	35
ПЕРВАЯ СИЛА	38
СИЛА ВТОРАЯ	44
ПЕРВАЯ СИЛА	54
СИЛА ВТОРАЯ	61
ПЕРВАЯ СИЛА	72
ПЕРВАЯ СИЛА	81
СИЛА ВТОРАЯ	85
ПЕРВАЯ СИЛА	92
СИЛА ВТОРАЯ	114
ПЕРВАЯ СИЛА	119
СИЛА ВТОРАЯ	125
ПЕРВАЯ СИЛА	129
СИЛА ВТОРАЯ	133
ПЕРВАЯ СИЛА	136

Конец ознакомительного фрагмента.

**Русский детектив.
Время Оно
Рукопись, найденная
в редакции**

Вячеслав Киктенко

© Вячеслав Киктенко, 2020

ISBN 978-5-0051-4678-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РУССКИЙ ДЕТЕКТИВ

ПИТ КЕЙНИ

(В р е м я О н о)

РУКОПИСЬ НАЙДЕННАЯ В РЕДАКЦИИ

Необходимое предварение:

Не секрет, что большинство русских литературно-художественных издательств, особенно в Средней Азии, с конца 80-х, и особенно в разгар 90-х годов стало распадаться. Основные причины: Ухудшение экономической ситуации. Развитие интернета.

По всей вероятности, полутысячелетняя эпоха Гутенберга подходит к естественному концу, рукописи и книги всё активнее переносят на цифру. Всё это следовало бы принять как должное, припомнив пушкинское: «Порох победил рыцарство. Глупо спорить с веком...». Следовало бы, но... что делать с чудаками, трогательными «звероящерами», всё ещё пишущими иногда ручкой, шлёпающими на машинке? Иногда даже неплохо «шлёпающими»...

Как раз в те 80-е годы мне довелось работать в русском детско-юношеском издательстве, воспоминания остались самые лучшие. Но речь сейчас не о том. Перед самым переездом в Москву мой друг, директор крупнейшего когда-то, смежного с нашим, казахстанского издательства со славной полувековой историей, показал мне грустнейшую картину:

громадные архивы, рукописи в папках, уже перевязанные бичевой, уложенные в картонные ящики.

– «И куда всё это?»

– «Издательство закрывается... а всё это – он указал на архивы – в утиль. На макулатуру...»

– «Разреши порыться напоследок? Авось, что путное и найдётся...»

– «Ну, это вряд ли... но ройся, пожалуй. Да хоть до ночи! Ищи, старая ищейка...»

До ночи не пришлось. Привлекла внимание пухлая папка, завалившаяся за самую нижнюю полку возле батареи, обильно смоченную одной из сантехнических аварий. Папка почему-то ещё не была уложена в коробку, рядом с такими же, обречёнными на утилизацию рукописями. Что привлекло внимание? Роскошное золотое тиснение. Явно импортная, дорогая папка, на что указывали золотые же литеры.

Ну и, конечно, диковинная для русского издательства фамилия: **ПИТ КЕЙНИ**.

Ни адреса, ни аннотации. Фамилия иностранная, но переводчик не указан. Следовательно, писано на русском. Рукопись объемистая, читать подобный текст штатным работникам издательства, видать, не шибко хотелось. Да и зачем? Скоро всё равно закроют почтенную некогда лавочку. Да и я поначалу не рвался. Но – привлекла интрига: кто же он таков, залётный гость? Это с одной стороны. С другой стороны – детектив. А вдруг, чем черт не шутит, занятный?

А с третьей (и главной!) стороны ошарашившее открытие: детектив писан стихами! Зачем? Неужели для подобного жанра недостаточно честной прозы?..

Жизнь, попирая литературные каноны, талдычит своё – да! Иногда недостаточно. Как быть? А так и быть, решил я. попытаться обнародовать рукопись, даже сильно порченную сыростью. Пусть решает читатель. Решает для себя, но в данном случае не без подсказок, которые просто необходимы в размывах текста. Кроме того, энергичному развитию фабулы детектива, подумалось по прочтении, мешают несколько старомодные, «добротные» описания героев книги, характеры и типажи обитателей городка. Они всё равно так или иначе проявляются по ходу книги. Но всё же пришлось создать отдельный файл «Типажи, зарисовки», который приложен к основному файлу «Русского Детектива».

Предисловие это дано ещё по следующим соображениям:

1. Рукопись неизвестно чья. Ни адреса, ни телефона. И мы должны заранее оговориться (а вдруг объявится автор?), что рукопись найдена, а не присвоена.

2. Кто он, хотя бы предположительно? Судя по фамилии – иностранец. Но иностранец хорошо знакомый и с русской историей, и с современностью. А главное, владеющий русским поэтическим языком.

Была, кто помнит, в СССР такая клятая-переклятая власть предержащими специальность – советолог. А еще

точнее, советолог-русист. Странная порода людей, часто бес-
серебренников, порою навсегда оставлявших благополуч-
ную родину для жизни на чужбине. Более того, влюблявших-
ся в чужую прежде страну, и нередко пускавших духовные
и семейные корни.

Их взгляд со стороны и одновременно изнутри событий давал иногда весомое преимущество: объективность, неангажированность. Благодаря трудам и талантам таких людей мы познакомились с классикой 20 века, запрещенной Здесь, издаваемой ими Там. Быть может, наш автор как раз из них?

Время действия «Русского детектива» автором явно не определено. По всей видимости, он сознательно создавал атмосферу размытости, взаимопроникновения времен: чуть ли не древнерусский уклад жизни, подчеркнуто «русские» имена, перемешанные с кричаще современными реалиями, даже техницизмами.

Отсюда подзаголовок: «Время Оно»

Придумали его не сами, а взяли из строк произведения, что также подчеркиваем.

И последнее. В книге немало архаизмов, часто просто забытых выражений. Отсюда краткий Словарь – толкование малоупотребительных слов, встречающихся в этой поэтической драме о России.

[illegible]

Еще:

Книга делится на две линии: **ПЕРВАЯ СИЛА** и **СИЛА ВТОРАЯ**.

В первой линии действуют обычные горожане, простые люди, любящие своё дело, семью, весь отчий многовековой уклад. На шкале психоанализа это обозначено как тяга к жизни – **ЛИБИДО**. В линии второй – разочарованные в этой самой жизни, во всём её безобразии, тупиковости и бессмысленности. Это люди **ТАНАТОСА** на той же шкале. Вот главная растяжка и, собственно, коллизия всей книги: тяга к жизни и тяга к смерти. То есть, это и есть основной «**Русский Детектив**» – на протяжении всех обозримых времён.

ПЕРВАЯ СИЛА идёт в рукописи обычным шрифтом.

СИЛА ВТОРАЯ курсивом.

Это – в первом файле «**Русский Детектив**».

Во втором файле «**Типажи и зарисовки**» (это приложения к основной рукописи, к основе книге) даны развёрнутые типажи действующих героев книги, пейзажные и бытовые зарисовки. Они, как показалось, несколько препятствуют стремительности основного сюжетного хода Детектива. Для того и создан этот файл. Это отсылка к наиболее заинтересованным, пристальным читателям книги.

В третьем файле – **Подвал**. Отрывки, которые не удалось слить с общим.

В четвёртом файле «Сказка о Доме» в трёх частях. Это дополнение к «Русскому Детективу», ибо сказка связана не столько с сюжетом, но с общим замыслом и духом всей книги.

И ещё. Длительная работа с порядочно попорченной рукописью дала мне некоторое дополнительное право: по возможности восстанавливать размытые куски. Иногда просто дописывать. Удачно или нет, выбиваются эти куски из основного текста, нет ли – судить только читателю. Но эта работа, как и пояснения в прозе и некоторые комментарии прямо по ходу текста, была попросту необходима. Рукопись, на мой взгляд, стоила того. А без этих «смычек» и «подводок» сюжет оказался бы пунктирно мерцающим, а не цельным. Да и кто бы проделал эту работу, кроме меня? Я единственный, так уж вышло, кто «сроднился» за долгое время с текстом, стал почти соавтором неведомого автора. Подчёркиваю – почти.

Вячеслав Киктенко.

Издатель, поэт, прозаик, литературовед, член СП России.

Мои координаты: 8-906-732-92-45 – моб.
8-499-164-02-69 – конт.

Эл. Адрес: a6789@yandex. ru

```

yyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyy-
yyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyy

```

СЛОВАРЬ

малоупотребительных слов и выражений, встречающийся в тексте:

Авгур – (Птица. Лат.) 1.Птицегадатель. 2.Человек, делающий вид, что посвящён в особые тайны, «прорицатель».

Антропоморфизм – человекоподобие, представление божества в человеческом образе.

Банник, домовой, овинник – духи дома в представлении древних славян.

Верёя – столб-верёя, на который навешиваются ворота..Часто изукрашивается резьбой, узорными насечками.

«**В лапу**», или «**Обло**» – различные способы рубки венцов дома.

Десница – правая рука. **Шуйца** – левая.

Доска-огнива – стягивает жердевые, кровельные гнёты. Изукрашенная резьбой, она, по древним верованиям, оберегала дом от огня.

Зооморфизм – звероподобие, представление божества в зверином образе. Предшествует антропоморфизму.

Истера, Дна – матка. (Древнерусск.)

Кануны — корзинки с рожаничными трапезами в честь Рода (Святовита, Свентовита, Световида) и других языческих богов. Приносились накануне языческих праздников

в баню, овин для ублажения древних славянских богов.

Коруна (лобан с коруной) – кругляш с глухой резьбой, набивавшийся на фронтоны избы. Украшался, как правило, восьмиконечной коруной-лучами. (По-видимому, изменённое от слова корона).

Неофит – новый приверженец какого-либо учения.

Нестяжатели, Заволжские старцы – противники церковной и монастырской частной собственности (в том числе и на землю). Непримиимые враги «**Осифлян**» – сторонников Иосифа Волоцкого. (16 век).

Овамо и Осемо – право и лево (церковнославянск.).

Подзор – подвесная кайма, резной навес на деревянных избах.

Полотенца – ветровые подвесные доски с пропиловочной резьбой по лицевой стороне кровли.

Прозелит – (Пришелец. Греч.). Новый горячий приверженец чего-либо.

Поганцы – язычники (не ругательное). «Поганьска вера» – просто обозначение язычества.

Рамена, раменья – плечи, уступ от шеи и часть руки до локтя.

Уд – член тела. Крайний (или срамной) уд – половой член. (Древнерусск.).

Филоктерии – кожаные коробочки с молитвами, прилеплявшиеся на лоб и руки особо яростными обращениями в иудейство, желавшими подчеркнуть этим приверженность

новой вере.

Харизма – стилевая ярковыраженность личности.

Хтоническое – подземное, довременное.

Чашки-пазы – чашеобразные выемки на концах брёвен для вязки сруба.

Языческие боги. – Пантеон древнерусских, общеславянских богов многолик и не всегда конкретно обозначен. Существует известная «многофункциональность», размытость их. Выкорчёвывание (веками) Христианской Церковью их из народной памяти и сознания привело к тому, что пантеон этот трудно поддаётся реставрации. Так **Макошь** (или Мокошь), **Дивия-Жива**, **Рожаницы**, **Берегини** и некоторые другие божества женского рода причисляют, как правило, к силам плодородия. **Хорс**, **Дажьбог** – боги солнца, огня. **Сварог** – неба. **Стрибог** – ветра. **Велес** – охранитель скота и урожая. **Симаргл**, или крылатый **Пёс-Переплут** – хранитель посевов. **Перун** – довольно поздний, привнесённый языческий бог-громовник (по аналогии с Зевсом, Юпитером). Это не столько народный, сколько дружинно-княжеский культ. Идол его с серебряной головой и золотыми усами стоял не в общем языческом пантеоне, а в княжьем дворе.

Род-Световид – верховный языческий бог славян, потому и осталось о нём сведений меньше, чем о других, «подчинённых» ему богам. Сохранилась уникальная статуя,

ПЕРВАЯ СИЛА

...облава готовилась долго.
Отважные рыцари долга,
Мужи, золотые умы —
Все шли, как один, против тьмы.
А тьма угнездилась в подвале
Обычного дома. Едва ли
Кто мог заподозрить, что в нём
За окнами с бледным огнём
Сверкала лихая ватага,
Шумела и пенилась брага
И кровь забродившая...
днём
Стоял в переулочке домик,
Как будто на полочке томик
Обычный стоит среди книг...

Ворота с щеколдою. В них
Порою какие-то люди,
Чуть кашлянув, как бы в простуде,
Входили, не дёрнув кольца,
Под шляпою скрыв пол-лица,
Поближе, естественно, к ночке,
Естественно, поодиночке,

В глухом, непрременном плаще, —
Таинственно... и вообще,
Что там затевается?.. Чудно!..

Росла тяжело и подспудно
Тревога, и, ясное дело,
Он как инородное тело
Нам стал, как в зобу щучья кость
Он стал нам, тот домик обычный,
Под кровлей своей черепичной,
И страх породил в нас, и злость...

2. Из главы второй

СИЛА ВТОРАЯ

...мы подбирали тщательно и долго
Страну и время действия. Без толка
Десятки вариантов перебрав,
Остановились в городке обычном,
В простом доме, вполне среднестатичном.
Как выяснилось позже, я был прав.
Духовный лидер и мотор команды,
Я убедил, что города-громады
Нам не подходят – много суеты.
А блеск и шум ворвутся непременно
В корректный ход и ритм эксперимента,
И не достичь искомой чистоты.
Пустая трата времени... а кроме,
Там, в многоликом хаосе и громе
Нас попросту не скоро различат
Кто мы такие – шантрапа? Пророки?
Потребуются длительные сроки, —
Опять затяжка времени...

Молчат
Часы на старой башне... скоро полночь...
И, значит, вскорости вся эта сволочь
Пойдёт на штурм. Отлично, поглядим

Насколько хороши мои расчёты...

Я тихий человек, смешные счёты
С людьми я не свожу, я нелюдим.
Моя будь воля, сел бы потихоньку
В такую вот, как эта, пошехоньку,
Рыбёшку бы удил, сушил грибы,
Какую-нибудь глупую бабёшку
Привадив, приохотив, понемножку
Детишек бы плодил... да от судьбы,
Коли не врать себе, не отбодаться.
Когда могучий голос вдруг раздастся
И потрясёт тебя до глубины
Всей сущности кромешной, приневолишь
Мечты, и осознаешь – ты всего лишь
Здесь чей-то проводник, и решены
Твои поступки, помыслы, стремленья
Не здесь, а где-то в страшном отдаленье,
Откуда Голос был... и будет впредь.
А чей? Кто ж это знает?.. он раздался,
И ты ему поддался, ты поддался! —
Попробуй, не поддайся...

Умереть,
Не быть, не отвечать на позывные,
И ни за что не отвечать – иные,

Пожалуй, предпочтут. А я не стал.
Не смог, точнее. Ибо сам в ту пору
Задумываться начал без разбору
О Боге, о начале всех начал...

...

...

Но вот что интересно, стал мне гадок,
Тошней, чем прежде, весь миропорядок
Веками освящённый, и ясней,
Рельефней проступили все каверны,
Гноилища мирские, и от скверны
Не смог я отвернуться. Я честней,
Я жёстче и правдивей, чем другие,
На мир взглянул... мои вы дорогие,
Я внял кошмару нравственных калек
И понял, что всему тому виною
Не Божий Промысел, не что-либо иное,
Но люди сами, самый человек...

...

...

Ну посмотрите, что я был такое?
Под юбкой мамки рос в тепле, в покое,
Ни горестей не ведал, ни забот,
Как, впрочем, и родители, и предки.
Был вечно полон дом гостей, нередки

Застолья были, танго да фокстрот.
Всё это веселило, забавляло,
Но – до поры. Тогда пора настала,
Когда я брошен был, отвергнут был
Возлюбленной... но что меня убило?
А то, что ведь она меня любила
Не меньше, чем я сам её любил!
И ведь ушла с каким-то забулдыгой...
А чем прельстилась? Болтовнёй да книгой,
Которую подмышкой он таскал,
«Запретный плод» какой-то... вот ведь смелость!..
Теперь всё это вышло, и успелось
Забиться даже... главное, шакал
Был просто провокатор, пёс конторы
Известной. Что еще? Алкаш матёрый,
Как выяснилось позже. С ним она
Спилась вчистую – видел у базара...
Здесь можно бы воскликнуть: «Божья кара!»
Но ведь и каре этой грош цена.
Какой тут смысл, во всём безумье этом?
Но, впрочем, не желая слыть поэтом,
Я это безобразьем назову.
Где лад, где смысл в такой тоске и грязи?..

И понял я, что в этом безобразьи
Не только все вокруг – я сам живу!

3. Из третьей главы

ПЕРВАЯ СИЛА

.....
.....
...а, собственно, что им за право
Такое дано? Если право
Простое, пускай, большинство,
То, значит, не право, а криво,
Себя обособив спесиво,
Крутое, пускай, меньшинство.
Гляди-ка ты, шайка прохвостов
Весь город мутит, гложет остов
Уклада и быта. Века
Ушли на его созиданье!
И вдруг оно рушится, зданье,
В котором и живы пока.
Да, живы, – мы все!... Между прочим,
И те, кто его же порочит...

И вот вечерами в дому
Главы городского за чаем,
За чарочкой, кто неслучаен,
Мы начали по одному
Сходиться. Мужи, горожане
Торговые, просто мещане,

Пожарные... в общем, весь цвет,
Вся крепь городка. Суть вопроса
Ясна: назревает угроза.
Мы стали держать наш совет.

...во-первых – дозор. Надо точно
Разведать, хотя бы заочно,
Их возраст, их пол, имена,
Час встречи, условные знаки.
(Пуškai они все одинаки
И грош им, на взгляд мой, цена).
Однако же, судя по шторам,
Цветкам, кружевам и подзорам
Не лишнее предположить —
В доме обитает приватно
Бабёнка. Оно и понятно,
Ведь надо же с кем-то им жить,
Всем скопом иль поочередно...
Неважно. Да если угодно,
Пуškai бы купили патент,
Поставили дело публично...
А что? Тут и сам бы я лично
Наведался. Не импотент.
Так нет же, дуркуют, таятся,
Темнят... а ведь люди боятся

Как раз неизвестности!.. Мне
Пал жребий стоять на дозоре
У ихнего дома, и вскоре
Пасьянс разложился вполне:
Четыре – входящих. Плюс двое —
В дому постоянно. Листвою
Укрывшись, я видел порой
В окне, озаряемом слабо,
Два мрака. Один – явно баба,
Мужик несомненно – второй.
Сойдясь за столом, самоваром
Занявшись, окутавшись паром,
Толкуют о чём-то... и – ждут...

И точно. Чуть сумерки пали,
Глядишь, – с ними третий... а дале —
Четвёртый... и пятый...
Идут!..

4. Из главы четвёртой

СИЛА ВТОРАЯ

*...когда я понял ужас средостенья,
Как говорится, «мерзость запустенья»
Земного бытия, я стал смотреть
По сторонам, ища среди прохожих
По взгляду неприкаянному схожих
Со мной, как я готовых умереть,
Но не влачиться, подло прозябая
В урчащей, сытой хляби, как любая
Ползущая бессмысленная тварь...
Я молод был и слеп. И вот тогда-то
Раздался голос. И позвал куда-то,
И зренье дал мне, и возжѣг фонарь —
Дар прозорливости. Я озарился весь им...*

*Я вдаль пошёл по городам и весям,
Я жил как птица божья, о еде,
Ночлеге не заботясь и уюте...
И вот что удивительно: в приюте
Мне не было отказано нигде.
Такие люди славные, смешные
Мне попадались в странствиях. Иные
Так даже хлопотали, чтоб пожил
Подольше я средь склок их, кухонь, скалок...*

*И понял я — я им казался жалок,
И этим их тщеславье ублажил.
Смотри-ка, мол, похуже нас кому-то
Приходится, а нам казалось лютю,
Погано мы живём... шалишь, мол, глянь
Какой оборвыш, юрод, замараша!
А ведь в сравненье с ним житуха наша —
Златая чаша... да с краями, всклянть!..*

*А к той поре и впрямь, признаться, шибко
Пообносился я. Моя ошибка
(По глупости, конечно же) была
В том, что порвав с роднёй однажды, доли
Не требовал своей, и в чисто поле
Отправился в чём был. Мои крыла,
Казалось мне, несут меня над бытом,
Над суетой, над дракой, над корытом...
Однако ж, оказалось, не вполне
Расчёты оправдались. Очень скоро
Я был ограблен и без разговора
Лишён всего «излишнего» при мне:
Простого чемоданчика с вещами,
И вовсе обнищал...*

Но обнищанье

Мне даже помогло. Среди людей

Я чуть ли не святым прослыл, убогим,

Иль «божьим человеком»... очень многим

Снабдил меня, ограбивши, злодей,

Бандюга с полустанка, бритый ёжик...

Он был учтив, приставивши мне ножик

Под левое ребро. Благодарю.

Я возымел стократ. Людские драмы

Как на духу открылись мне...

Но храмы

Я обходил. К иному алтарю

Я шёл, ещё не зная досконально

Высокой цели. Знал одно – печально

И тщетно стягновение людской,

Взыскуемой юдолью благодати —

Не здесь Его могущество!.. И, кстати,

Он Сам сказал об этом. Так на кой

Всё это чванство, идолопоклонство?

Мне голос был!.. А это был колосса

Могучий голос, он велел – пребудь

Огнём и разрушеньем, будь восстаньем

В сердцах людей, моим их испытаньем,

Найди друзей, сплоти их всех, и – в путь!..

*Я странствовал три года. Зажигался,
Когда казалось – этот!.. Ошибался,
И вновь искал. И вот, в одной из хат
Сельца глухого встретился с поэтом,
С отчаянным его и хищным светом
Сиротских глаз... и это был Донат.*

5. Из пятой главы

ПЕРВАЯ СИЛА.

...откуда напасть эта? Вишь-ко,
Уж больно хорош городишко —
Добротный, старинный, торговый,
Овеянный славой, дубровой
Грибной да иной окружённый,
Уютным кремлём отражённый
В прозрачной реке с окушками.
А что за дворы! – С петушками,
С подзорами на теремах,
Зимою весь в белых дымах,
Весною в цветенье вишнёвом,
И яблоневом, и грушовом,
Всё лето в прохладных садах,

А осенью – в сладких плодах...

...ну, как таковым не прельститься?

Их много, которым хочется

На жительство тут поосесть,

Однако ж, не всякому честь

Оказана будет. А будет —

Есть думный совет. Он и судит:

Вот этому, мол, отказать,

А этого можно и взять.

Толковый мужик. Судит взросло,

Хоть молод. И знает ремёсла.

Семейный. Такой к озорству

Пожалуй, не склонится, к дому

Надёжно привязан. Такому

И мы пособим...

**(Здесь по рукописи даны описания многих думских
решений. Подробнее см. в восстановленных отрывках
в Приложении).**

...я ныне в почётных

Хожу горожанах, кручёных,

Вертлявых терпеть не могу
Людишек, чего-то темнящих,
Пустое всю жизнь гомонящих,
Чуть дела коснись – ни гу-гу.
А эти, шалавые, – чтоб им!..

Я плотничал. Шорничал. Пробам
В ремёслах уstatку не знал.
Побыл речником, корабелом,
Покуда кожевенным делом
Не занялся... и обогнал,
И дал прикурить конкурентам...
И всё это – прах? Вот уж хрен там!
Позволь, мы ещё поглядим
Как вы завизжите, поганцы,
Под ногтем у нас, и пугаться
Покедова мы погодим.
Вот выждем, вот выследим свору,
Прощупаем явки, и в пору
Нагрянем на чёrtов чаёк...
Пускай оно цедится, время,
На жернов наш... всякое семя
Размелет родной ручеёк...

.

6. Из главы шестой

СИЛА ВТОРАЯ

.....
.....
...в чём власть поэта? Сила в чём? Я верил:

*То осенил Господь, то ангел реял
И пролил горний свет златым лучом...
Я понял, в трудный час сойдясь с поэтом,
Исторгнут луч реликтовый не светом,
Но адом, но отчаяньем злачён.
Высокий штиль, однако, – вдохновенье!..
А это что? А это не забвенье,
Как мыслится иным, тицеты земной,
А может быть, скорей, воспоминанье
О Целом, о любви, о доизгнанье
Из Дома, из страны своей родной?..*

.....
.....

*...так презирает вор трудяг на зоне,
Так невозможно шлюху урезонить,
Как и певца... и видишь вдруг, дивясь, —
Глубинное родство их тайно гложет,
Роднит виной – хтонической, быть может,
Какая-то доопытная связь.
Случайно ль так благоволят друг дружке*

*Художники, парнасцы, воры, шлюшки?
Как будто никого на свете нет
Душевней и родней кабацкой суки...
И под стопарь водяры с похмелюки
Братаются убийца и поэт...*

.....

.....

*...гордыни древний дух: не замараться! —
Царит и в понизовом этом братстве.
«Мы будем воровать и убивать,
Собою торговать, но вашей подлой
Вине — мы непричастные! Всей кодлой
Мы по особ-статье здесь отбывать
Обречены, в одном бараке, правом
Грех искупить, как вы, в поту кровавом
(Хоть Кум один) мы не наделены,
Но вашей грязной, подлой работёнки
Мы не коснемся!.. Твари и подонки,
Но данники иной, своей вины —
Той, дальней...»*

*Так, согласно этой вере,
Преступен Моцарт, вовсе не Сальери,
Тот лишь добил соратника в бою,*

*Его мучений облегчить не в силах,
Он взял их на себя, и погасил их,
Герой и жертва, он довёл свою
Трагическую роль до точки!..
Глянешь
Порой в глаза иные – и отпрянешь:
Такая боль, такой горячий ад
Живёт в их глубине, что поневоле,
В себя приняв частичку этой боли,
Сгораешь вместе с ним...
Таков Донат.*

7. Из седьмой главы

ПЕРВАЯ СИЛА

.....
.....

...а, впрочем, уже кой-какие
Подвижки заметны. Какие?
Мы сняли у дома секрет.
Прознали, что нужно. И клички
Им дали. И каждого лично
Отныне решил наш совет
Вести... так сказать, неотлучно
За ним наблюдать...

Мы поштучно
Их всех разобрали. И мне
Парнишка достался занятный —
Донатка, писака незнатный,
Из тех, что в «особом говне»,
В «изысканном», «тонком» роятся,
Как черви... и гордо таятся
В непризнанных гениях...

Вздор!

Не верю, что можно их заумь

Признать чем-то стоящим... знаем

Таковских... да это ж позор:

Всю жизнь из мудрёных бирюлек,

Словесных шарадок и дулек

Выстраивать чёрт-те чего...

Уж коль ты поэт не содомский,

Пиши хорошо, как Твардовский,

Не можешь? Его одного

Достанет нам. Даже в избытке...

А, впрочем, Донатка мой прыткий

Парнишка, общительный, чёрт!

И всё ему, чёрту, в новинку...

Особенно любит по рынку

Шататься, – невиден, потёрт,

Тут сунется, там приценится,

Поглядь, он уж в рыбном теснится

Ряду...

ну а рыбка у нас

Завидна!.. Река окуньками
Горит, ровно злат-огоньками
Сверкающий иконостас!..
Незнатная, вроде бы, рыбка,
А как хороша!.. Как улыбка
На детском лице перед сном...
Иные язя да налима,
Сазанчика жалуют, либо
Сударыню-щуку... в ином
Застолье и я им не враг, —
Знатнецкая живность! Но дорог
Мне наш окунишка. Такой
Ушицы, с «особым» наваром,
Нигде не хлебнёшь... или даром
Он выплыл на герб городской?..

Я, впрочем, отвлёкся. Но, право ж,
Чуть слово о рынке затравишь,
Так всё позабудешь... царят!
Воистину царствуют люди,
Когда на прилавке, на блюде
Разложат вповалку и в ряд
Всё то, что трудами своими
Взрастили, вскормили, вспоили
И вынесли на торжество,

На торжище!.. Туши парные:
Бараньи, говяжьи, свиные
Висят на крюках... самого
Хозяина аж распирает
От гордости, точно играет
Разделочным ножичком: Р-раз! —
Пожалте корейки кусочек...
Иль вырезки?.. Соус из почек
С лучком не в охотку ль? Как раз
Рецепт, мол, особенный знаю,
Да с юшкой!..

Гудит выходная,
Базарная площадь, пестрят
Цветные платки, зеленные
Ряды, как луга заливные
Под солнышком влажно горят:
Укропчик слезится, петрушка
Курчавится... эх, заварушка!
Да это ли не благодать?..
А тут и грибочки-красавцы
Мигнут, подбоченясь, мерзавцы, —
Шалишь, брат, попробуй не дать
Рублишко-другой ребятишкам...

Хоть бор невдали, да не слишком
Досуга у нас, а уж тут
Грибки на подбор: все в росинках,
В иголочках палых, травинках
На мшистых шапчонках... берут
У нас только самый красивый
Грибок – из-под дуба, осинки,
Берёзовик также в ходу.

Хотя и лисички, маслятки
Съедобны... порой и опятки
В охотку, – в торговом ряду
Они непривычны... и ладно.
В бору их, поди, неоглядно,
Уж как-нибудь сам соберусь,
Нарежу лукошко...
А ныне
Царь-гриб, восседая в корзине,
Лютует: бери, мол, не трусь!..

Не трушу... но снова загадка:
Куда он опять, мой Донатка,
Затёрся?..
А вот он, родной! —
В потёртой своей одежке

Стоит, разбирает книжонки
В обменном ряду...
и за мной,
За мной наблюдает, гадёныш!..
Да это ж конфуз!.. Это вон аж
Откудова он свой надзор
За мной учредил – аж от дома!..

Так кто здесь ведёт? Кто ведомый?
И кто здесь хозяин? Кто вор?..

8. Из главы восьмой

СИЛА ВТОРАЯ

.....
.....
...какие тут фрейдистские игрушки?

Сын лесника, он жил в простой избушке,
В сельце глухом, куда меня судьба

В скитаньях занесла. Однообразен

И тих без молодёжи быт, бесстрастен

Ход жизни стариковской... – от столба

И до столба, особенно зимою,

В пургу, в потёмки, снежной бахромою

Окутанные, как снеговики,

Бредут, рискуя вовсе стать сугробом,

И сгинуть, и не встретиться за гробом,

Бредут сквозь лютый ветер старики —

К родне ли погостить, или в церквушку

В соседнее село... иль так, друг дружку

Утешить... просто рядом подышать...

Бредут, столбами меряя дорогу,

И воют провода, взывая к Богу,

Что связь с людьми все тягостней держать —

Такие все дремучие, глухие,

Да и места скрипучие, лихие,

Да и вот-вот порушатся столбы.

*И ладно бы, и кончились бы муки,
Но в чьи она, в хорошие ли руки
Связь перейдёт и нить самой судьбы?..*

.....

.....

*...ветра свистят, гудят столбы, и стонут
В метелях провода, и долго тонут
Во мраке огоньки несчастных изб...
В одну вот из таких, пургой гонимый,
И заплутавший, и судьбой хранимый,
Забрел я раз, шагнул из мрака, из
Ночной метели в тёплый свет жилого
Угла, где всё поняв, не тратя слова,
Хозяин молча указал рукой
На лавку вдоль стола, где с пылу-жару
Дымился чан, подобно самовару,
С картошечкой в мундире...
я такой*

*Нигде потом не видывал... как розы! —
Рассыпчатая, белая. И слёзы
Невольно навернулись на глаза,
Когда ещё из дальней комнатёнки
Припёр кудесник банку самогонки
Горячей и прозрачной, как слеза...*

.....

.....

...меня сморило скоро. Помню только,
Я что-то отвечал, почти без толка...
Он крепко озабочен был. А чем?
Ну да, конечно же, сынком родимым.
Всё, помнится, курил, давился дымом,
Всё, помню, вопрошал: «Зачем, зачем,
Зачем ему всё это?..»... Я, кивая,
И головой, как лошадь, помавая,
Проваливался в сон...
Но перед сном
Пообещать успел, что с таковыми
Вопросами, и даже с мировыми
Мы разберёмся. Точно. Только – днём.
И провалился в сон, как в прорубь...

Утром
Снега сверкали чистым перламутром
В окне избышки. Улеглась пурга,
И лес, кругом обставивший деревишку,
Был тих, пригож, и словно бы избышку
Хранил, держал в ладонях, от врага
Невидимого пряча...
Сам хозяин
Уже чаёвничал... молчал (весь как изваян
Из корня проморённого) ... он пил

Раздумчиво, неторопливо, вкусно
Похрустывая сахаром, и пусто
Смотрел сквозь стену, сквозь меня...
Он был,
Как и вчера, печально озабочен
Какими-то сомнениями... впрочем,
Я помнил хорошо какими. Встал,
Благодаря за встречу и за ужин...
Молчал старик. И не был так радушен,
Как с вечера. Кивнул лишь мне, подал
Картошечки вчерашней, хлеба, луку,
Чайку плеснул... протягивая руку
Уластую, напутствовал:
– «Так вот,
К полудню буду... книжки полистайте
В каморе там, у сына... вот, бывайте...»
И с лыжами за дверь ушёл в обход.

Я наскоро перекусил, и тут же
Нырнул в камору, в закуток поуже
Прихожей: деревянный лежачок,
Да стол – доска вставная у окошка,
И – книги, книги, книги...

Тут немножко

Подробнее надо. Сам не простачок,
Я, право ж, у столичного эстета,
У сноба не встречал такой, как эта
(Хотел сказать «библиотеки»... нет!)
Коллекции? Да нет, скорей собранья,
Подбора книг и рукописей...

тайна

Какая-то здесь крылась. Был секрет:
Откуда, как попали дива эти
В лесную глухомань? Какие сети
Их выловили в смутные года,
Когда одно их поименованье
Глушилось напрочь?... Впрочем, в глухомани
Смешно об этом – глуше-то куда?..

.....
.....
...мм-да... «Страх и трепет»... «Вехи» – первый выпуск!..
Ого, – «Уединённое»!.. На вынос
Такое и в спецхране не дадут.
Хотя, смотри-ка, книги-то без штампа...
А вот перепечатки Мандельштама...
И Клюева... Ахматовой... ну, тут
Весь «рыцарский набор» эпохи!..

Дивно

Не то. Но кем, когда переводимы
Здесь Дилан Томас, Томас Элиот?
В амбарных книгах, пополам графлёных,
Машинописью на бледно-зелёных
Листах, зажатый в грубый переплёт, —
Весь цвет, весь авангард англоязычный,
(Ещё едва нащупанный столичной
Архивной молодёжью), — вот он, весь!
Но как? Откуда?.. Это взволновало.
И я скорей, скорей, смущён немало,
Стал разбирать завалы...

Были здесь
На полках, на полу и под топчаном,
По темам сбиты (всяк с «родимым станом»)
Философов и мистиков труды
(И всё — перепечатки!), богословов:
Флоренский, Трубецкой... кой-кто из новых,
Неведомых, признаюсь, но «воды»
Здесь не было...
«А парень из лукавых» —
Смекнул я. Взять хоты бы скандинавов:
Кнут Гамсун, Сведенборг... натаскан, да,
Непрост, определённо... Яков Беме
И «Роза мира»... э-э, да в этой теме

*Похоже, брат, увяз ты... ну, тогда,
Тогда, брат, нам с тобой необходимо
«Прокашлять» эту тьму. От нелюдима,
То бишь отца, хоть сонный, а чуток
Прознал я о тебе, какой тут гложет
Недуг родную чаду. А, быть может,
Ты тот, кого искал я?.. А, браток?..*

**(Тут опущен подробный перечень «библиотеки»,
рукописей Доната.**

Подробнее см. в Приложении)

*...взволнован этой мыслью, не слышал я
Как в дом вошёл лесник. Его «дыхалка» —
С пути, с пробега – вывела меня
Из забытья: у притолоки стоя
И с ненавистью глядя на «пустое»,
Он прорывал: «Всё эта сволочня!
Всё эта гниль!.. Очкарики, уродцы!..
Вот зверь. Тут ясно – зверь. А как бороться
С ползучей этой, вишивой сволотой?..»*

*– «Да с кем?» – Я изумился, притворяясь
Таким наивняком, что, разъяряясь,
По матери весь этот «сухостой»*

(Так он прозвал дружков-интеллигентов)
В сердцах понёс он «гадов и агентов»,
Затмивших сыну сердце и мозги...
— «А ведь неглупый парень, сам проверишь... —
Добавил, затихая... — да теперь уж
И воротиться должен бы...
Вр-раги!!! —
Вновь зарычал, — враги они, паскуды!..
А тот, а ссыльный?.. Тот — подлец Иуды,
Змеёй, гадюка, в сердце вполз!.. Гляди,
Ведь это от него осталась, муть-от
Вся эта... вполз тишком, и мутит, мутит
Ночами парня... хоть не заходи
В камору к ним (тут пояснил он — ссыльный,
Так мы и пожалели), червь могильный!
Профессор хренов, чисто сатана!
Чего ему от сына было надо,
От сироты, от моего Доната?
Наука, да не та ему нужна.
Ему бы лес узнать!.. Ведь кто на смену
Придёт мне, как не сын?.. Так нет же, стену
Меж нами возвели...
хотя, сказать
По правде — тут старик вздохнул, безвольно
Осел на лавку — правда, что не больно
К душе ему... чужак, ни дать, ни взять...

Учился б хоть — опять же эта гада!
Мол, на постой пустил кого не надо,
Якшается, мол, с чёртом... а скажи,
Как парню жить? За двадцать уж давненько...
Дружки дают каких-то там «рецензий»,
Всё пишет, пишет, пишет... за гроши...
Чужак! Ни в мать-покойницу, ни в деда.
Тож был лесник... какая костоеда
Мозги ему прожгла? Ведь с малых лет
Дичком гляделся!.. Только и очнулся,
Как этот, ссыльный дьявол подвернулся,
Заворожил, околдовал...

— «Поэт! —

Вскричал мне — сын-то ваш, — я вижу!
Уж мне поверьте, мол, я не унижу
Неправдой вас и лестью, сквозь меня
Прошли их сотни, а такого дара
(Весь аж светился!), этакого жара,
(Захлёбывался!), дивного огня,
Я не встречал ни в ком!..»

— «Соблазн и скверна! —

Сказал тогда я — Бог накажет...

Верно.

Чахоткой вскоре, дьявол, изошёл...

А мне-то каково?..» – Он так печально

Взглянул, такими синими очами

В глаза мои, что я свой взгляд отвёл...

9. Из девятой главы

ПЕРВАЯ СИЛА

.....
.....
(Об Инженере, равшемся на должность Городско-
го Головы)

.....
.....
...ведь что удумал, нехристь! – Целиком
Весь город взять в компьютерные сети,
Чтоб каждый дом горел в своей кассете,
Прочёсан электронным бреденьком.
На вече городском, тряся бородкой,
Огнем безумья распаляя взор,
Кричал, что некий дивный М Ы С Л Е З О Р
Теперь им *изобретен*, и в короткий
Он срок берется, коль дадимся мы,
Внедрить его в дома, а там – в умы!

*«...представьте – вопиял он, распалясь, —
Ревнителю порядка и покоя,
Мы порчу мира снимем как рукою,
Друг перед другом в мыслях оголясь!
Что есть первопричина, корень зла?»*

Мысль, кратко возведённая в дела.
Мысль тайная!.. И умысел порочный
Теперь мы взять сумеем под контроль:
У каждого свой шифр и свой пароль,
Означенные в памяти бессрочной,
Отныне, на экранах озарясь,
Нам высветят все козни, гнусь и грязь,
Незримое пресечь мы в корне сможем
Поползновенье зла на зримый мир,
Н а ш мыслезор свой огненный пунктир
Прочертит меж умами. Мы положим
Конец всем распрям, подлостям и лжи!..
Кто несогласный – выйди и скажи!..»

.....
.....

(Тут не удалось восстановить в полноте речь отца
Илиодора о пагубности внедрения Мыслезора в умы.
Отрывки см. в Приложении)

.....
.....

...ну, инженер! Ну, гений лжестихии!..
Его лицо аскета, колдуна,
Как будто заострилось, желтизна
Как будто воском залила сухие
Виски его, и лишь глаза, горя
Непримиримостью, нам говорили: «Зря

Надеетесь, что старческим умишкой
Я был повержен... на кону цена
Всей жизни!.. Разве может быть она
Откуплена церковной мелочишкой?..»

.....

.....

**(Здесь частично удалось восстановить ответную
речь Инженера)**

.....

.....

*«...что истина? Она не для глупцов,
Для избранных она, чья перспектива
Исправным быть погонщиком, она
По сути-то уже и не нужна
Погонщикам самим. Следя ретиво
За стадом, подзабыли и они
Зачем они, откуда? Знай, гони
Тропой набитой стадо!.. Но уж коли
Кто выбился из строя, тут смотри,
Тут спуску не давай: и укори,
И обласкай заблудшего, и с воли
Верни его, бродягу... ну а как
Он личность, а не сбившийся чудаки?
Что, если выход из неосмыслённых
Осмыслен им, и мысль его проста:*

Мысль – Божий дар?..

Тут надобно Христа

Призвать в свидетели, ведь это лишь зелёных

Юнцов легко дурачить, стариков

Доверчивых...

Тут случай не таков.....

.....

.....

...а самый страшный из запретов, вот он —

Запрет на мысль!.. Простой пример: пары

Под гнётом держат лишь до той поры,

Покуда прежний пар не отработан,

Покуда не настал иной черёд —

Брать новый пар в рабочий оборот.

Но ежели хоть малого исходу

Не станет силе этой – разорвёт

Любой затор, и чем сильнее гнёт,

Тем взрыв страшнее...

.....

.....

...нет! Нельзя, нельзя

Мысль удержать в крови! Ведь мысль, сквозя,

Клубясь в пространстве замкнутом,

Зловещий

Отыщет выход, но уже тогда,

Тогда с ней вместе в мир войдёт беда,
И вспомните тогда и день вчерашний,
И нынешний...

.....

.....

...мой бедный **МЫСЛЕЗОР!**..

Ведь он и призван был найти зазор,
Через который мир пронзится страшной,
Кромеиной мыслью!.. Но тогда уже
Не жди Преображенья ни в душе,
Ни во плоти, где кровь одна, бунтуя
И сатанея, не ограждена
Доглядом зорким, хлынет, как волна,
И смоеет мир Господень подчистую!..

.....

.....

...я знаю, почему мой **МЫСЛЕЗОР**

Священству не по нраву, – их позор
Бездействия, обман многовековый
Всем станет ясен, и падёт их власть
Над душами, и надсмеётся всласть
Над многомудрым самый бестолковый
Из верной прежде паствы...

вот расклад

Входящих-исходящих. Я и рад,
Собратья, горожане, что открыто

*Смог, наконец-то, высказаться. Здесь
Все недомолвки сняты, вот я весь,
Я, видящий печально как над миром
Уже ползут, сгущаясь, миражи
И оборотни разума, души,
А мир – бессилен. Он открыт кумирам,
Потопам крови, вышитнutoй в свет
Игрой все той же Мысли, коей нет
Призора и предела...
но отныне
Я ухожу из вашего мирка
К себе, в свой мир...»*

И с видом игрока,
Сорвавшего лихой банчок, в гордыне
Бородку сатанинскую воздев,
С трибуны он сошёл...
Но, оглядев
Молчавший грустно зал, вдруг стушевался:
В портфель бумажки растолкал, замком
Прищёлкнул в тишине, и так, бочком,
Бочком, бочком сквозь зал ретировался...

Мы все молчали. В сумрачном окне

Стояли звёзды. Как в бредовом сне
Молчанье наше длилось, длилось, длилось,
Никто, казалось, не хотел его
Прервать... а чем? Немало из того,
Что сказано здесь было, шевелилось
И жгло в душе у многих...
нет, не так
Наивен даже видимый простак,
Чтоб не поднять в душе своей вопроса
О смысле бытия и о пути,
Которым должен каждый – сам! – идти.
Но как идти, не видя дальше носа,
А главное, как этот долгий путь
С путями сотоварищей сомкнуть?..

10. Из главы десятой

СИЛА ВТОРАЯ

.....

.....

...чем я утешить мог его? Конечно,
Жаль старика. Так искренне, сердечно
Приветил, накормил... но в глубине
Души я ликовал, предчувствий полон,
Ведь как ни горек путь был, как ни солон,
А улыбнулась, кажется, и мне
Удача!..

Рукавом косоворотки
Старик поспешно вытер слёзы, кроткий,
Улыбчивый вдруг стал (на шум в сенцах
Оборотясь) – вскочил, засуетился,
И так по-молодому засветился —
Сын воротился!..

.....

.....

...ну, спор, так спор!..
И тут, признаюсь, в споре
Его я спровоцировал, о Воре
Великом заведя «случайно» речь —

О Прометее, и «на ты» парнишке

Всадил поддых:

«Он – Вор, а вы – воршики.

Да-да, и ты первейший, брат, сиречь

Поэт, поскольку смутными словами

Мутить сердца... да есть ли кто меж вами,

Смакующими сладостный дурман,

Сознавший, что дубасит каждым словом

(Особенно искусным) по основам,

По сердцу бытия, какой обман

Процеживает в жизнь, каких чудовищ

Впускает в мир?..

Из всех земных сокровищ —

Я продолжал пытаться его, поняв,

Что зацепил – огонь был самым главным,

А он-то и похищен достославным

Ворюгой-Прометеем. Зевс был прав,

Послав того на муки... только мне-то

Что за отрада? Поздно. Кто-то, где-то

Смекнул, – сложил очаг. Мудрец другой

Набычился башкой своей упорной —

Загнал огонь в котлы, турбины, горны,

Погнал по проводам... и вот рекой,

С притоками и ручейками, гневно

Клубясь в сердцах, в словах горя, напевно

Переливаясь, этот великан,

*Змей Золотой к родному устью – к Смерти
Пополз с земли... сквозь все разломы тверди
Пополз к себе, в свой древний Океан...»*

.....

.....

**(Здесь частично восстановлены отыски из долгой
и, кажется, покаянной речи Доната о саморазруши-
тельной силе поэтических фантазий)**

.....

.....

*«...но время, время, время
Работает на гения!.. И бремя
Его химер вставляет в мир, где он
Потворством сотен тысяч ротозеев
Развёрстан средь анналов и музеев,
Откуда «малых сих» берут в полон
«Эстеты», – «приобщают» к новой вере»...
И прозелит в нашилёнках филоктерий,
Какой-нибудь безумный неофит
С восторгом в пещь подбрасывает хворост,
И где тут Божья Благовесть, где хворость
И бред мутанта – вряд ли различит
Неискушённый взор сквозь дым и тленье,
Сквозь выпуклые слёзы умиления
Чудовищем, развоплощённым столь
Великолепно, столь «преображённым»,*

*Что оболыщенье миром искажѣнным
Уже и самый Божий мир в юдолю
Химер, фантомов, инфернальных чудищ
Преображает... но кого осудишь,
Кто им судья?!..» – Вскричал Донат, вскочил
С приступочки возле печного устья
И заходил по горнице... и с грустью
Запели половицы...
из печи.*

*Мерцали прогоревшие поленья,
Сгущался мрак, и где-то в отдаленье
Поскрипывали, ёжась, кедрачи,
Мохнатое окно сверкало звѣздно,
Печь остывала, и почти морозно
В избушке становилось...*

.....
.....

**(Тут размыто. Частично речь Доната восстановлена
в Приложении)**

.....
.....

**(Здесь – ответ Донату «Второго Героя». Более полно
см. в Приложении)**

*«...вот идол несвободы, фарисейства,
Начѣтничества!.. Страшный грех расейства —
Кульм умиленья гением больным.*

Неважно, что несчастен эпилептик,
«Он гениален! Он великолен!..»
А каково ему? Его родным?
Вот где жестокость, вот бесчеловечность! —
За **чей-то** счёт... ведь не за свой же вечность
Здесь куплена?.. А ты представь, что твой
Сынок родимый — хвор. Но гениален.
Не хочешь? Страшиновато? Пусть нормален,
Да здоров?.. А как же «гений мировой»?
«Да чёрт с ним!..»... А-а, вот здесь-то и оценишь
Чем куплен он, вот здесь и переменишь
Взгляд на него. И что увидишь вдруг?
Увидишь сонм горячечных фантомов,
В мир впущенных, гигантов или гномов,
Смыкающих собой порочный круг.
Они уже в фаворе и в почёте:
Ливрейные швейцары в позолоте
Их пропускают в лучшие дома,
Они законодатели всех мнений,
Всех мод... и вот уже «научный гений»
Их вверх в реторту точного ума...»

.....
.....
— «Но есть ведь и здоровые?.. Вопросом,
Каким-нибудь Толстенным Ломоносом
Не возразишь?.. Ведь им оценка — «**Пять!**»...

– «Сомнительно... но предположим даже... —
Кто их отсортирует? Кто докажет
Их здоровье?.. – «Селекция» опять?..»

.....

.....

«...огонь, огонь! – Исчадь ада, света
Больной извив, излом, огонь – ведь это
Болезненный, несовершенный свет,
Как жар любви на уровне соблазна,
Не вопрошённый, замкнутый, как плазма,
Как обращённый внутрь себя ответ,
Огонь – ведь это смерть!.. И вы, авгуры,
Своей цивилизации, культуры
На воровстве основанной – на том,
На изначальном – осознать не в силах,
Иль попросту страшитесь, на могилах
Отцовских изгаляясь...

и потом,
Същи-ка, братец, объяснение бреда,
Свяжи в одно несообразность эту:
Итак, в начале было Воровство.
Потом – Закон... Но это значит – в зоне
Все мы?!.. И на **т а к о м** стоим Законе,
Как вор в законе, все, до одного?..»

(Здесь также частично восстановлен подробный

спор о гибельной сути поэтических фантазий, приводящих в итоге к страшным формулам учёных, а всё человечество к апокалипсису)

*«...смотри – тростинка, ость, косноязыкий
Убогий стебелёк в миру, музыкой
Туманной просквозжённый, лишь игра
Природы, пустячок!.. Но понемногу
В лады вникая, понимаешь: к Богу
Взывают сквозь него, трубят ветра
Горе свою невнятицу земную,
Но Там **пресотворясь**, уже иную
По скважинам низводят долу Весть,
Лишь вслушайся в гармонию, и хоры
Небесные прольются через створы
Волокнами затянутые...
здесь,
Вот здесь-то он и взыскан, дар поэта —
Путь расчищать для воздуха и света,
Пронзать дремучих скважин зыбь и сон
Певучим словом, строй и лад на горний
Регистр переводить, и всё упорней
В нечистой тьме держать свой чистый тон:
Последняя, как может быть, надежда
Связь не утратить с горними. Невежда*

Безделицей сочтёт. А ты смотри —
Тростник прочищен, скважина для слова
Благодаренья и слезы готова
И музыкой мерцает изнутри.
Вот оправданье, может быть, поэта:
Он свет хранит и связь на грани света
Он держит в Слове, воздух серебра
В том стебельке струящийся... и, буде,
Подступят воды и отступят люди,
Он проведёт сквозь воды их, торя
Незримый брод по мокрому суглинку,
В зубах зажав ничтожную тростинку —
Последнюю с высоким миром связь,
Последний путь для воздуха и света,
Сквозящих в тёмной музыке поэта.
Тьма костенеет, Словом протравясь...»

.....
.....
**(Отрывок из возражений «Второго Героя» Донату.
Подробнее в Приложении)**

.....
.....
«...ты присмотришься внимательней: в Писанье
И с рыбарем, и с мытарем лобзанье
Отыщешь у Него. А где пиит?
Христос – любовь, свобода. А культура? —

*Всё тот же культ, кумирня. Эта дура
Меж Ним и нами встала. И стоит...»*

.....

.....

*«...вот декаданс: гнилая сущность, прелесть,
Благоуханность мира... или прелость,
Распад его. Что в сущности одно.
Сюда и льнут поэты, точно осы
К вину или окурку папирасы,
Звонят и бьются в тонкое окно.
Или как мухи: в тихую квартиру
Ворвавшись, засыпающему миру
Долдонят откровение – Весна!
Воскрес! Воскрес!.. (Осенний луч пригрел их),
И лупят – хлоп да хлоп – их, угорелых,
Скорее не со злости, а со сна...»*

.....

.....

(Здесь опущен (полуразмыт) спор о всеобщей взаимоненависти на земле, о Битве – всего со всем. Отрывки см в Приложении)

*«...и даже поле,
То, хлебно-золотистое, не боле
Чем ядерный, заторможённый взрыв.
Смотри – вот солнце. Вот – земля. Взрыхляет*

Луч почву по весне, и расщепляет
Ядро в ней погребённого зерна.
Оно взорвется – колосом! И зёрна
Опять умрут... и вспыхнут непокорно
Полянкой колосистой...

она,
Заверчена реакцией цепною,
Уже всё поле золотой волною
Зальёт в свой срок... ты только посмотри,
Представь: идёт ускоренная съёмка
Под ракурсом магическим, где ёмко
Весь ход зерна, снаружи и внутри
Охваченный волшебным объективом,
Тебе предстанет колоссальным взрывом,
Взбесившейся энергией зерна,
А солнце – детонатором...

Преданье
В старинных рунах есть, что мирозданье
Переплывали люди, времена
Любые одолеть могли, и небо
Преображать энергиею хлеба
Умели их ладьи, сам чёрный нерв
Материи пронзать могли их светлы —
Те маленькие солнышки планеты,
Которые мы жрём, собаки, нефть —

Кровь наших предков! – Грузим в бензобаки...

*Нет, не собаки люди, – вурдалаки,
Из праны мира тянущие кровь!
«Задуманная богом светораса»,
Ты где? Ау-у!.. Где солнечная масса?..
Чадят огни пещерные костров...»...*

.....

.....

*...и что? Гнобить планету? Бить друг друга?
Переступив из солнечного круга,
Вступить с иной материей в контакт?
С **такими** звёздный свет не закончит...»*

– «Так значит – спросил Донат – так значит?..»
– «Да, значит, – я ответил – значит – так!...»

11. Из одиннадцатой главы

ПЕРВАЯ СИЛА

.....
.....
...казалось бы, ну что здесь не понять?
Ведь всё реально, стоит только внять
Божественному слову сокровенно,
И вот он, – Путь Земли!..

Так нет же, здесь
Не дремлет Сатана. Чудную весть
Какой-нибудь бродяга непременно,
Прельщая дурьи головы юнцов
И барышень сердца, в конце концов
Откуда-нибудь выудит... похоже,
Из самой преисподней... и – гляди —
Уж он герой, романтик, и в вожди,
Само собой, назначен к молодёжи.
«Ах, он такой загадочный, такой
Овеян славой, тайной и тоской,
Так непохож на недорослей местных,
На увальней, умеющих одно:
По будням наломавшись, дуть вино

По праздникам, порядочных, но пресных.
Тот – не таков! Не гнётся для гроша.
Зато душа какая... ах, душа!..» —
Несут, лепечут вздор, обожевляя
Чудного прощелыжку, голяка,
А тот себе бесчинствует, пока
Однажды не нарвётся, позволяя
Разнузданной фантазией мутить
Юнцов, девиц... а там и поблудить
В радениях восторженных, меж делом
Одну, другую, третью совратив
«Поклонницу таланта», убедив,
Что всем хорош герой, душой и телом.
Ну, тут уже, когда не скроешь срам,
Отцы такой поднимут тарарам,
Такой тут самосуд чинить возьмется, —
Не приведи Господь!.. Сам комендант
Отступится от правил, не педант
И не чинуша, знает – не уймется,
Покуда пришлецу не отомстят,
Не выпорют и не охолостят,
А там, с позором, – вон из городишка!..

Но что здесь интересно? Только след
Простынет наглеца, – как будто свет

Померкнет... поскучнеет всё...

мыслишка

Одна меня преследует давно,

А что как блуд – бродильное зерно,

Без коего и бражки не подымешь,

И опреснённый хлеб не припышнишь,

И жизнь не прифасонишь?..

Только, вишь,

Во всём потребна мера. А не имешь

Потребной меры – наперекосяк

И всё, и вся пойдёт...

12. Из главы двенадцатой

СИЛА ВТОРАЯ.

.....
.....
*...итак, свершилось!.. Без оглядки на дом,
Мы в ночь пошли. Вдвоём пошли с Донатом
(Уже вдвоём!) судьбу ломать и гнуть,
Баул с вещами, с лучшими из книжсек
Он взял в дорогу, первый мой сподвижник.
Он не хотел и пары строк черкнуть
Отцу. Я настоял.
– «Но ты же знаешь,
Я здесь чужой!..»*

— «Я вижу, понимаешь

Немало о себе — я отвечал —

Похвально. А теперь смири свой гонор,

У нас, как говорят, «преступный сговор»,

И не мечтай, чтоб ты права качал.

Ты, или кто другой. Теперь гордыне

Дай укорот. У нас, браток, отныне

«Диктаторский режим». Решай теперь

Со мной ты, или как?..» Скривясь натужно,

Он взял перо: «Не жди. Искать не нужно.

Я не вернусь...»

Мы притворили дверь

И вышли в ночь...

тропой, сквозь чернолесье,

Мы побрели в старинное предместье

Близ города торгового. Пиит,

Как бы в угоду дьявольской интриге,

Уговорил идти к попу-расстриге,

Там погостить.

— «Могучий колорит!

Дом нараспашку, вечно отовсюду

Стекается народишко... не буду

Хвалить зазря, сам убедишься в том,

Средь пьяных толковищ и пёстрой свары

Встречаются такие экземпляры!..

*Короче говоря, хороший дом,
Нам самый подходящий. Обживёмся,
Осмотримся... а там, глядишь – прорвёмся!
Уж если где соратников ковать,
Так это у него, у Никодима,
Он в этом деле нам – отец родимый,
Большой мастак с пути людей сбивать!..*

.....

.....

(Более подробные отрывки о Никодиме Приложении)

.....

.....

*...его «приход», когда он храм оставил,
В числе своем, пожалуй, лишь прибавил,
Все тянутся к нему, не только люд
Пропавший, забулдыги и шалавы, —
Такие представительные павы,
Такие господа бывают тут,
Ты ахнешь!.. Я смекал вначале туго
Чего им от него и друг от друга
В глухих пенатах надобно? Потом
Дошло: все эти люди одиноки!..
Красив, богат, здоровы руки-ноги,
А завиляешь, заюлишь хвостом
Когда тебя отчаянье за глотку*

Возьмёт – в родном дому!.. Похлещешь водку,
Потешишь плоть, и вот – предел, и вот —
Пустыня одиночества. Ни дети,
Ни дом родной, ни блуд, ничто на свете
От пустоты мертвящей не спасёт.
Храм Божий? Но позволь, как там спастись?
В канонах – тьма, в попах – ленца, прохлада,
Глухой и вечно пьяненький дьячок...
А душу-то влечёт не всепрощенье,
Но жаркое, но страстное общенье,
Да чтобы духовник не дурачок —
Такие вот запросики. Вестимо,
Куда податься? А до Никодима!
Большой, скандальной славы человек,
Всех приютит, всех выслушает, слово
Понятное осыщет для любого:
«Не изнывай, раб Божий, имярек,
Все взвешены, все вычислены в некой
Субстанции. А ты своё кумекай,
Свой путь тори в мирах. И не горюй.
Каким тебя создали мама с папой,
Таким и жми по жизни, и не лапай
Чужого – у себя не уворуй»).

И прочее...

Все ясно, по-простецки,
И, знаешь, расфуфыренные светски

Фазаны блекнут прямо на глазах:

Поглядь, а из барона-фанфарона

Иль барыни – обычная ворона

Проклюнулась, нелепая...

в слезах,

В истерике персты целуют, в чём-то

Невероятном каются... до чёрта

Я там перевидал подобных сцен,

Признаться, пообрыдли.....

.....

.....

**(Здесь опущены сцены общения Никодима с самыми разными людьми. В том числе, с «асмодеем», воро-
тилой бизнеса – Данилой. Об этом ниже)**

.....

.....

...меж тем, петляя по лесу, дорожка

Нас привела к окраинной избе.

– «Ну вот, теперь уж совсем недалёко...»

И верно, только выбрались из лога,

Огни блеснули ранние кругом.

Предместье просыпалось. Струйки дыма

Курили избы... дворик Никодима

Был тих и пуст, казалось.....

.....

.....

**(Пропущены куски вчерашней оргии у Никодима. –
Традиционного, раз в месяц, приёма нищих со всей
округи)**

.....

.....

*...Бог мой, откуда?! Вроде, не хоромы:
Ряд комнатёнок, кухня, а кроме
Прихожая да горница... но тут
Набилась вокруг стола, почти под балку,
Такая рать!.. (Поди, и спят вповалку —
Подумалось – и рядышком кладут
Хмельных, сердешных, на пол...)
Да, собрание!..
Немытые, нечёсанные, бранью
Друг друга осыпаящие (так,
Для куража скорее) побродяжки...
Кто винегрету требует, кто бражки,
С юродивой какой-то шелудяк
Сидит в обнимку... карлиц и уродцев
Потешный смотр? Парад золоторотцев?..
А посредине – самый «командор»,
Сам Никодим с бутылкой браги мутной
Торжественно, десницею могучей
Всем разливает...
Узкий коридор
Загородив собой, взирал я дико*

На этот смрад...

.....
.....

13. Из тринадцатой главы

ПЕРВАЯ СИЛА

(Здесь опущена встреча в Городском Собрание нового Учителя и городской интеллигенции)

.....

.....

...всего не вспомню, но ошеломил

Меня и всех, я думаю, кто был

В тот вечер в зале, хитрою химерой

Учитель наш, иль оборотень...

он

Поведал чуть не шёпотом, на тон

Интимный перейдя, что нашей серой

Животной жизни ввек не перейти

Рубеж безвидной смерти... взаперти

Мы все живём, во тьме, в земных оковах,

А то, что солнце сверху нам дарит —

Лишь крохи....

.....

.....

«...унижение царит

Во всех долинах наших и дубровах!

Мы, дети солнца, солнца самого

Отжимки цедим, только и всего,

И униженье многовековое

Сквозит в траве, убоине, зерне,
И солнце наше только лишь вовне,
А не внутри нас блещет! Не живое,
Но косное нам подано с небес
Благодеянье...
а в саду чудес,
В той, в настоящей жизни мрак изринут,
Там солнцем дышит человекобог
Поскольку наконец-то изнемог
В потоке света облик наш звериный.
Там солнце – Царь! И все, кто там, внутри,
Ему равнопрестольные цари,
Там **всё** есть солнце, всякая частица
Чиста, равноставна, горяча,
Там наша суть – суть самого луча,
Там **нашей** сутью солнышко лучится!
Вот, вот где сила светобытия:
Там, где и он, и ты – есть ты и я.
Но как достигнуть этого накала?
Вопрос!..

пора, пора начать с начала,
Пора опять вышивывать в утиль
Архивы! Только страсть и юность – стиль
Атаки, авангарда, напряженья
В крови. А всеми проклятый фашизм

*Страшон лишь как дрянной, расхожий «изм»,
Но кроется за ним живой, природный
Ритм утвержденья жизни и любви...*

*Сверхсмысл Преображения – в крови.
Ах, этот стиль опасен, агрессивен?
(Сам стиль, заметьте), это, мол, фашизм,
Мол, эту жуть, весь этот атавизм
Резон душисть, пока ещё пассивен
И облечён в изящное, потом
Он, в мир войдя, мир обратит в дурдом...*

*Какая чепуха! Дурдом статичный
Царит века, внедлив тот ход вещей,
При коем правит бал седой Кащей,
Вполне бессмертный, даже симпатичный,
Умеренный в запросах здоровяк,
Незлобно- рассудительный мертвяк.
И всё живое, огненное, злое
Здоровой злостью жизни он мертвит,
Грядущий свет он тихо норовит
Оборотить в утихшее былое,
В холодное, приличное, во тьму
Привычную и властную ему.*

Зачем? Сама же юность, отбесившись,
Перебродив, уляжется на дно,
Но огненное, чистое вино
Там станет солнцем, **здесь** преобразившись.
Так будем же как солнце!..» —

Прописал

Рецептик он... и долго блял зал...

А я внимал и думал: Правый Боже,
Как попустил Ты этакую дрянь
Смущать сердца неопытные? Грянь,
Да так, чтоб огонь и мраз прошли по коже,
Чтоб перекрыл Твой глас весь этот бред!..

Но глас не протрубил. Не грянул. Нет...

14. Из главы четырнадцатой

СИЛА ВТОРАЯ

(После пирушки у Никодима. Восстановлено
не полностью)

.....

.....

...меж тем застолье, поднасытятся малость,

По закутам тихонько расползалось.

Пир затухал. Смолкал похмельный вздор.

В углу стола, повитый сизым дымом,

Сидел Донат, шептался с Никодимом,

Кивал и молча слушал «командор».

– «Ну отчего же? Дело, может статься,

И не пустое... можно попытаться...»

Поп грузно встал, прошёлся до окна

И замолчал, в пустынный глядя дворик...

Когда очнулся, странно тих и горек

Был смутный голос, речь была темна.

– «А зверь и не в накладе... вон, соседи,

Те держат на цепи, а я – в подклети.

В тепле и холе пёс жирует, кот,

Домашние... считаю и цепному

Порядком повезло. А вот лесному

Зверине горше. – В дикости живёт.

Свободный! Одинокий!.. А на чёрта

Такие привилегии? Не гордо,
Но ласково, умильно в терему
Зверьку живётся-служится... со смыслом!
А ежели поучишь коромыслом,
Так ведь урок, ведь я Господь ему!
Смотри какая радость озарила:
Произошла от Дарвина горилла!
Иль дарвин от Гориллы?.. Я уж сам
Запутался... и что? А то, что веря
В сей ужас, человек поверил – в Зверя.
Всевышнего – оставил. Небесам?
Он зверя возлюбил!.. Ручные твари
Прияли благодать, и вот, как баре,
Разнежась на кушетках, на коврах,
Жратву приобрели себе и Бога...
А в человеке завелась тревога.
И злость. И одиночество в мирах.
Кто Бог ему теперь? Он сам на грешной
Земле – Господь... изныл в себе, сердешный,
А к Богу не прибился... я о нас,
О православных – вяло, нерадиво,
«На всякий случай» веруем... не диво,
Что Он от разобщенья не попас.
Одна лишь блажь, томленья, да идеи
Космические...

То ли Иудеи!

У них – Закон, там, где у нас – прокол,

У них и «Договор» подписан с Богом,

Есть строгость, страх!.. А нам в миру нестрогом

Всучён об «намереньях протокол».

Кто виноват? А все и виноваты!

Все прокляты, непреткновенны – ваты

Натолкано в нас, мути, маяты,

Заместо смысла... В этот мир ты явлен? —

Виновен. Где-то, значит, излукавлен.

Не будь виновен – не родился б ты!

.....

.....

**(Здесь размыта пафосная речь Никодима. Обрыв-
ки см. в Приложении)**

.....

.....

...любовь, любовь!.. Какого чёрта кличем?

Огнём косматой страсти, безразличьем

К душе, рогатой тьмой воспряжена...

Но там, где страсть сводима к сладострастью,

Там кровь самцов сладима смертной сладью,

Там – хворь в конце концов... опять – Она?

Любовь, любовь!.. Честнее гон олений.

Там – ярость, бой за самку. Здесь – томленье.

Но как с пригожей самкой ни балуй,

*В итоге всё одно: ночные зовы,
Телодвиженья дикие, да рёвы,
Да варвара громоздкий поцелуй...
Любить зверька легко, приятно, много
Приятней, чем собрата или Бога:
Мохнат и ласков, приручён и нем.
Последнее особенно приятно —
Досадного словца не фыркнет внятно.
Всю жизнь молчит. И служит между тем.
Нет, не в накладе зверь...*

.....

.....

(Здесь опять размыв. Кое-какие отрывки в Приложении)

.....

*.....глухие шумы из прихожей
Во двор перенесли: тряпьем, рогожей
Покрытые, нестройной чередой
Вдаль потянулись «дорогие гости»...
— «Да где они живут?»
— «А на погосте —
Донат ответил — в церковке пустой.
В подвале... там никто их не гоняет...
Блаженные, об этом всякий знает,
Могилки сторожат, псалмы поют,
Раз в месяц Никодим о них радеет,*

*Накормит, напоит... а приоденет —
Всё спустят, до опорочков пропьют,
Уж лучшие — так...*

*Я тут о деле вкратце
Потолковал с ним... знаешь, может статья,
Он, загоревшись, к нам примкнёт... тогда
Потянутся людишки в нашу веру,
Знай отбирай!.. А на его манеру
Не обращай вниманье, ерунда.
Он человек серьёзный. И философ.
Поговори, позадавай вопросов...
Он, впрочем, и без них куда горазд
Витийствовать...»*

.....
.....

**(Размыв текста. Отчасти восстановленное см.
в Приложении)**

.....
.....

*...явился снова поп, востряс рукою
Альбом громадный...
— «Что сие такое?
Се — дьявола разверстое лицо!..»
Он впил в меня свой взгляд горячий, серный,*

Как будто я был автор этой «скверны»...
Я разглядел обложку: Пикассо.
– «Всё разложил! До клетки. До молекул.
Размеры извратил, перекумекал!..
Но есть же тот, божественный масштаб,
Масштаб соотношений между Богом
И человеком?.. В этом ритме строгом
Ты взыскан свой пройти, земной этап.
Лик – образ Божий. В непреложных формах
Он точно ретранслируется в горних,
Радаром, если хочешь, становясь.
Но если мы тут формы размываем,
Наш лик, посыл наш – неопознаваем,
Вот тут она и рвётся, с небом связь...

.....
.....
...а ведь какой художник! Это ж сила.
Она-то, вишь, меня и подкосила,
Уж ежели с талантищем таким
Мир полнить скверной, что-то здесь неладно
В самом явлении, в сущности таланта...
Да Богом ли он дан? Не кем другим?..

.....
.....
**(Более подробные отрывки витийства Никодима
см. в Приложении)**

.....

.....

...а всё работа... клятая работа!
С людьми, с собою до седьмого пота
Все спорю, протестую... и – грешу.:
Пишу... зачем? Видать, зачем-то надо...
Слаб человек, коль труд его отрада,
А труд – проклятье ведь?.. Я так скажу:
Пускай в избытке нега, ласка женска, —
Слаб человек для рая, для блаженства,
Угарное он всё же существо,
Гляди, устал от роскоши, от скуки,
И на себя накладывает руки...
Слёз, крови, пота алчет естество!
Всё, всё с кругов сойдёт своих!..» —
Он смутно
Перстом воздетым погрозил кому-то...
Я ликовал, удерживая смех:
– «Ты с кем воюешь, отче?.. Против Бога?..»
Тут он, колеблясь, помолчал немного.
– «Да нет, не против Бога... против – всех!..»

15. Из пятнадцатой главы

ПЕРВАЯ СИЛА

.....
.....

(Тут опущены, за невозможностью полностью восстановить текст, размышления Первого героя о вековой дикости – мироеды втягивают чистых людей в бойню. Сами же всегда остаются в стороне. Подробнее в Приложении)

.....
.....

...посмотри

На землю, где простые рыбаки
И пахари безропотно, бесслѣзно
Свой крестный воздают Тебе оброк,
А их – за что? За что Ты их обрѣк?
Ведь первые они падут в той брани,
Оратаи, они и крепь, и рать,
И корень жизни обречѣн сторгать
Во ублаженье оглашенной дряни?
Нет, что-то здесь не так.....

.....
.....

...он знает крепко, если уж заброшен

На землю, в чернозём дремучий, здесь
Его природный уровень и есть,
И уровень тот свят и непреложен:
Полметра лишь планеты, не кривя
Судьбы и сердца, уровень червя,
Слой гумуса – вот всё, что охраняет
И возвышает человека. Тут
Он – царь и Бог!..
Пускай иных гнетут
Сомненья, цели, смыслы... пусть пеняет
Иной мудрец на серость бытия...
Но он-то знает, Солнце – это Я!..
.....
.....

(Тут опущено о «больных» мечтателях – разрушителях традиций, уклада и быта)
.....
.....

...ну, этот наш училишко вскоре,
Конечно, погорел. Думской совет
Отставку дал ему: ступай, мол, свет,
Мол, тёмное своё мы сами горе
Размыкаем... а вот мутить юнцов —
Не дело! Ты смотри-ка что, отцов
Не слушают совсем, как в лихорадке,
На сборах что-то дикое поют,

Кликушествуют, в круг передают
Секретные какие-то тетрадки...
Не надобно такого нам. Девиц,
Юнцов мы приструним. Ну а вдовиц,
Тех, так и быть, направим эстафетом
Куда укажешь, прямо со двора —
Тебе вослед... уж этого добра
Ты, брат, не откажи согреть приветом.
Засим прощай. Не сетуя, прости,
Что экскремент не дали довести...

.....
.....
...отбыл, красавец. Смех, но речь шутейну
Не оценя, две кумушки отбой
Сбирались, было, бить... да меж собой
Не поделив любовь благоговейну,
В сердцах передрались....

ну а потом
И замирились. Сладились. И дом
Друг дружки не обходят стороною,
Напротив, говорят, на склоне лет
Товарки стали... как же! Общий след
В судьбе и сердце...

Только мы иною
Досадой окручинились тогда.

Пусть не стряслась великая беда,
Но сколько можно этаких прохвостов
Пускать во стан? Ведь знамо же, одно
Горазды: тайно, вычурно, темно
Вещать и потихонечку весь остов
Подтачивать соборный...
и ожгла
Догадка нас – так вот он, корень зла,
Вот чем взострѣн лазутчик сатанинский,
Любой гонец зловестия и тьмы —
Соблазном праздномыслия!.. И мы,
Ему внимая, растрavляем низкий,
Животный наш инстинкт, по всем чертам
Предивно схожий с тем, на чём Адам
Когда-то погорел, прельщённый Змием
И Евою, вкусив запретный плод.
Блуд, похоть любопытствия – оплот
Всей нечис, в подглавке 10ти. Лишь вслушайся, поди им
Подпой или поддакни, хоть чуток,
И ты – готов. Увязнул коготок...

16. Из главы 16-й

СИЛА ВТОРАЯ.

(Эта, самая объёмная глава книги, оказалась попорченной сильнее остальных. Даём более-менее

цельные куски. Другие, из тех, что удалось восстано-
вить, см. в Приложении в подглавке 10. «Настёна»)

.....

.....
...Настёнка, диво дивное!.. Ну что же,
Предлог хороший, упустить негоже...
Я вышел в коридор, и в полумгле
По половицам хлибким и скрипучим
Побрёл, шатаясь, будто на зыбучем,
Расхристанном пиратском корабле.
А дом и был, считай, гнездом пиратским:
Чуланчики, закуты... вот где «братцам»,
Бродягам-то раздольице!.. Но где
Настёнка?.. Дверь толкнул. – Темно... другую...
И третью... и – увидел дорогу,
Да как увидел! – В полной нагоде.
У зеркала, средь крохотной светёлки
Стоит, коса распущена... заколки
Неспешно разбирает... и черны
Власа её, пролитые волною,
Всей плоти нестерпимой белизною
Ещё чернее – в синь оттенены...

.....

.....

– «Ну, что опешил?.. Хороша Настёна?.. —
Меня завидя, вовсе не смущённо

Спросила, повернулась... подошла
И обвила руками... и мгновенно
Всё зашаталось – пол, кровать и стены,
И зеркало расплылось в зеркала...

.....

.....

...о Боже, что творилось в этой смуте,
В тумане этом!.. Жаркой каплей ртути
Она металась в белых простынях,
И задыхаясь в чёрных, влажных космах,
Я продирался, плыл сквозь недра – в космос,
Плыл в чёрных звёздах, в золотых огнях.
Хотелось до конца, совсем забыться
И в бездне бездн зарыться, раствориться
И никогда на землю не сходить,
Обволокнуться тёплой, млечной влагой,
И плыть в мирах, и косной, звёздной тягой
Протягновенный ужас бороздить,
Хотелось раздавить её, такую
Беспомощную, жалкую – тугую,
Мерцающую капельку огня,
Огня, руды, неясного начала,
Чтоб источилась, чтоб иных не знала
Начал, изничтожаясь, – лишь меня!..
Но капелька упругая мерцала
И в бездне бездн, как будто отрицала

*Саму возможность безначалья, тьмы,
И я всплывал, влекомый долгим кликом,
И вновь склонялся над безумным ликом,
И вновь сквозь бездны проплывали мы...*

.....
.....
*... – «Что, хороша?.. – Уже смеясь, играя,
У зеркала стояла, собирая
Размётанные кудри – ты гляди,
Заснул, никак?.. Оденься, сделай милость...»*

*В жару, в смятенье я гадал: приснилось?
Иль впрямь она колдунья?.. На груди
Под левым, ало вспухнувшим по-детски
Сосочком пламенел тревожный, резкий
Косой рубец... я подошёл, слегка
Коснулся, пальцем проведя несмело...
– «Что это? Нож?..»
– «Он самый... было дело...
Как видишь, не доделали. Пока...»*

*И, одеваясь, в прозаичном тоне
Поведала как сиротой в притоне
Подпольном очутилась...*

затворил

Сосед-подонок, благодетель якобы,
В бордель для извращенцев и маньяков,
Где чуть ли не в цепях «гостям» «дарил»
Таких же, как она, сирот, подростков...
В кровавых оргиях, садистских розгах
Зачахла б, как они...

но не смогла

И года издевательств сладострастных
Снести от распалённых, безобразных
Тельцов, набитых златом... и – сбегла.
Точнее, попыталась. Страшно били.
Опять бежала. И опять ловили.
В подвале чуть не насмерть засекли.
Но не могла смириться...

И навеки

Узнала – принуждёньем в человеке
Привить лишь отвращение смогли:
Кому к работе, а кому-то к дому,
К семье, к благополучному содому,
А ей – к постели, где должна, должна,
Всегда и всем должна – рабыней, тварью,
Товаром быть!.. Но, столько «отоваря»,
Раз навсегда зарок дала она:

Нигде, ни с кем, хоть в золотые узы,
Не вступит, никакой другой обузы
Не примет от мужчины, кроме той,
Единственной, воистину блаженной:
Жалеть, любить... быть самой вселенной
Для всех, сверкнувших искрой золотой
На чёрном небосклоне...

.....

.....

...вот, вырвалась... да памятка осталась —
Точно заминки не было, она
Продолжила всё так же просто, ровно —
«Дань» выплатила... ну, а то, что кровно,
Так тем добрей урок, верней цена...
Ну, я пойду, дождись...»

.....

.....

...река, петляя, вышла наконец-то
В просторный лог, где старый, неважнецкий
Перилами чернел дощатый мост.
— «Ну, вот и «смычка» наша. Здесь до рынка
Рукой подать... кружная есть тропинка,
А есть и напрямик, через погост, —
Не страшно?..» Я осклабился: решиться
На непокой, на смуту, и страшиться
Покойничков? Конечно, напрямки!..

.....
.....
(Тут частично опущен поход Настёны и героя к рынку, их споры)

*...заброшен был погост. Черны, морозны,
Поскрипывая, снег роняли сосны,
Похрустывали под ногой сучки.
«Не косточки ли?..»*

*Суеверий корни
Поглубже всё ж, подумалось, упорней
Продрались в кровь, чем дюжие крыжи
Строжайшей веры...*

.....
.....

(Здесь отрывок из речи Настёны)

*«...ну, детство, старость – там хотя бы чисто...
Ты замечал ли, кстати, как лучится
Лицо младенца, или старика? —
Одним и тем же светом!.. Замечал ли
Что люди на вопрос твой отвечали
«Как жизнь?..» Припомни. Ведь наверняка,
Ребёнок: «Хорошо». Сознав тревогу:
«Бог милует... Спасибо... Слава Богу» —
Ответит старость. Ну а зрелость что?
Без вздоха, выдававшего бы тяжесть,*

«Как жизнь? Да ничего... – ответит – так уж...»

Что ничего? Ведь это же – ничто!

Тьма, пустота!.. И – скука... Слышишь слово?

Темно и плохо. Скученно... и снова

Прислушайся: вот – «Хорошо». Здесь Хорс,

Бог солнца брезжит, коло хоровода

А колесо – суть солнце!.. Вот природа

Младенца, старика... но чуть возрос,

Налился зернью, наklubился страшной

Энергией – пошло!.. Дурной и зряшной,

Кромеиной силой изойдёшь...

ведь вот,

Скажи, куда идёт она, откуда,

Энергия взбесившегося блуда?

Пронзительные высвисты пустот...

Разбрызгиванье семени, затменьё

Любви и нежности, поползновенье

Кровавой тьмы, предвестницы войны...

Граница пола – вот первограница

Войны и смуты, вот где коренится

Игла и жало, корень Сатаны...»

.....

.....

(Здесь опущены горькие и разрозненные размышления Настёны о перепутанном в веках геном кабеле с цветными проводками рас и наций – кровопрово-

де запутавшегося человечества. См. в 10-й подглавке
Примечания)

*(...нарушен номер, в стоязыком стоне
Щелчки, помехи, точно в телефоне
Испорченном Он слышит, и вот-вот,
Гляди, всё это Он совсем оставит,
И с горькою досадою надавит
На чёрный рычажок... – Его черёд...»*

.....

.....

.....

(Здесь обрывок спора Героя с Настеной)

.....

.....

*«... а под конец
Один занятный фактик вспомнил, правда,
Занятный: про моллюска-аргонавта.
Слыхала про такого? Сорванец!
В чем суть? А вот послушай, фактик жуток:
Гоняясь за моллюсихой, свой жгутик,
Малюсенький свой членик полнит он
Таким зарядом силы, столь огромным,
Что тот, уже в режиме автономном,
От тельца оторвавшись, жмёт вдогон,
Летит за ней, сам по себе, отдельно,*

Как за кормой торпеда – жмёт прицельно,
Покуда не достигнет, не пронзит
Плоть нежную таким блаженным ядом,
Таким всеисторгающим разрядом,
Что в ней и поддыхает, паразит...
Ну, чем не сорванец, чем не оторва?
Какая-то космическая прорва
Взбесила этот узел бытия...
А между прочим, мастер Леонардо
Считал, и не из фorsa иль азарта,
Всерьёз считал, что член – второе «Я».
Он, мастер, создал атлас анатомный,
Где показал, что это автономный
Субъект при человеке – член его.
А в женищине лютует озверело
Её самодовлеющее чрево...
И это также – Самосущество».

Да, древние недаром замечали
Что зверь после соития печален.
Ещё бы! Тлел такой злат-огонёк,
В мечтах мохнатых теплилась такая
Надежда неземного, что, вникая
В себя ночного, обхватив пенёк,
Зверь тосковал и грезил о пролёте
Дремучей бездны в содроганьях плоти,

А вышло что? А получилось то,
Что зверь едва ли вымахнул над лесом,
Едва ли над собою взмыл...
и весом
Подавлен, рухнул в гиблое ничто,
В родимое ничто, в ночной, родимый
Берложий мрак, в хаос непроходимый,
В густые дебри, в гниlostный развал,
В насквозь пропахший сукою текущей
Валежник свой сопревший... но – влекущий!
И снова по ночам затосковал...

.....

.....

...однажды, знаешь, я в себе услышал:
Что это значит: «**Из себя я вышел**»?
Что это значит: «**Душу отвести**»?
Есть, значит, Тот, внутри меня живущий,
В меня глядящий, и меня ж зовущий
Куда-то выйти?.. Иль совсем уйти?
И, значит, «некто третий» есть – его-то,
А не кого-то плотского, кого-то
Другого, может, «третьего» зовёт
Какой-то «первый» – выйти... но откуда,
Из тьмы, из крови, душу из-под спуда
Освободить, разъять телесный свод?
А плоть, она, выходит, здесь – «вторая»

*В триаде этой: кровью запирая
Тех двух, незримых, буйствует – «Не сметь!»
Я главная! Я посредине мира!
Вам только дай свободного эфира,
И выйдете, и это будет – смерть!..*

.....

.....»

(Здесь идут рассуждения, споры «Второго Героя» и Настёны о сущности творчества, о древнем грехе человека. Восстановлена часть. Другие разрозненные куски см. в Приложении. Подглавка 10. «Настёна».).

.....

«...одни

*В глуши своей блаженствуют безгрешно
Старушки, старички... ну, есть, конечно,
Другие... но блаженны лишь они —
Пульхерии, Бавкиды, Филимоны...
Так хороши, светлы и умилённы,
Что поневоле выступит слеза,
Когда иные, «яростные» лица
На фоне их блеснут – самоубийца,
Герой-любовник, мститель и гроза...
А может, гений оттого и гений,
Что чарам чужд соитий, средостений
Души в давяльне крови и тоски?
Чужд измельчению мира золотого*

Разбрызгиваньем семени святого
На мизерные, бледные мирки?..
Он свет, а не послед, стопую бренной
В мирах не наследит он, по вселенной
Шаги его прозрачны и легки,
Он сам в себе руду переплавляет,
Наследников и школ не оставляет
Всем чаяньям и вздохам вопреки...

.....

.....

...горел стручок, на солнце вызревая,
Божественные ядра наливая,
Зелёные, как в листьях фонари,
Он только вызревал ещё, но где-то
Уже таилась Вора иль Поэта
Тень хищная – не дав созреть зерну
И пасть, и встать великим вертоградом,
Тень проросла сквозь изгородь, и хладом
Остановила Вечную Весну.
И репнул, не дозрев, стручок, и зёрна
Иссохнув, покатались вниз покорно
В разинутые, алчущие рты,
И захрустели на зубах, и крохи
Пошли пересыпать века, эпохи...
Вот так и Слово репнуло...»

.....

.....

(Здесь вновь перебивает «Второго Героя» Настёна со своей больной мыслью о грехе повального расплождения и перенаселения земли.).

*«...ты посмотри: влюбленные порой
На жизнь свою накладывают руки —
От довременной, светоносной муки,
От горькой невозможности второй,
Единственной своей сыскать частицы...
И если вдруг привидится, помстится:
Вот, вот она! — Сверкнула, обожгла,
Но он не люб, не мил ей отчего-то, —
В восторге чистом жертвенного взлёта
Он предпочтёт спалить свои крыла
И даже смерть...
когда-нибудь, быть может,
Когда их светлый дух опять встревожит,
Счастливей будет встреча, а теперь...
Теперь: вот главный подвиг искупленья
Взаимной слепоты — шаг удаления,
Уйти, и притворить тихонько дверь...*

.....

*...не странно ли тебе, что я, иллюшонка,
И, в общем-то, пропащая душонка,*

Да-да, не суетись, не хлопочи,
Как будто я своей не знаю меры,
Несу такие странные химеры?
Не отвечай, пожалуйста. Помолчи.
Сама скажу. И повторюсь, пожалуйста:
С кем пожелаю – лягу!.. Только жалость
Ведёт меня и держит на земле.
Я знаю, это свыше мне положен
Такой вот путь... и ты меня не должен
Винить в распутстве, глупости и зле.
Я, может быть, хранительница мира,
Жена и Мать – для всех, мне нет кумира,
Все дети мне... но вот плодить на свет
Ещё иных – для новой, горшей муки?
Нет сил!.. И ты запомни – нет разлуки
Тебе со мной. Разлуки в мире нет.
Как хочешь, понимай...»

– «Я понимаю!
Родная ты моя, всё принимаю
В тебе!.. Ещё не знаешь ты сама
Как это всё мне близко – до кровинки,
До самой сути!.. Мы ведь – половинки,
Не узнаёшь?.. Смотри, какая тьма
Кругом!.. А мы одни с тобой на свете,
И светимся, как маленькие дети

*В огромном, тёмном мире — мы одни,
Одни с тобой мы светимся, родная!..
Узнаешь завтра ты, и я узнаю
Родные ли с тобою нам они —
Те, гости наши завтрашние...
много
От них зависит будет, и дорога,
Возможно, скоро ляжет нам... пойдёшь
Со мною, с нами, если сладим дело?..»*

*Она в глаза спокойно поглядела,
Задумчиво...
— «Дороженька?.. Ну что ж...»*

17. Из главы семнадцатой

ПЕРВАЯ СИЛА.

(Выборы Городского Головы. Отрывки речи нового кандидата — Данилы).

.....
.....
...и вот, судьбу поставивши на кон,
Взял слово и взошёл к трибуне он,
Наш нынешний глава, а в те поры-то
Ещё недавний житель...

мещанин

Зажиточный, но, в общем, гражданин
Обычный... разве замкнутый... открыты
Всем нараспашку, знамо, дураки
Да дети только.....

.....
...был, помню, летний, тихий вечерок,
В густой листве гулявший ветерок,
Сквозил в рядах. Отличная погода
Позволила на площади в те дни
Вести соборанья наши, и они
Шли при большом стечении народа...

.....
... – « **Обязанность** и **право** – два столпа
Собора всегражданского. Толпа,
А если быть точнее, все мы множим
Нелепости, галдя лишь о втором.
Но я поставлю наш вопрос ребром:
Права не соблюдаются. Положим.
Нет вовсе прав. Бесправен индивид.
Обрушится ли зданье? Устоит!
Да, стянуто каркасом, обручами,
Железами, но зданье-то, что сам
Возводит человек, ничьим слезам
Не веря – головою и плечами

Всё ж в небеса упрётся...

да, суров

Мир на слезе. Но есть ли средь миров

Иной, бесслёзный? Здесь, во всяком разе,

Нам достоверных знаний не дано.

Здесь важно что? Вот здание. Оно

Стоит. Пусть на слезе, крови и грязи,

Но всё ж таки – стоит! Среди химер

Стоит себе, и всё! Ещё пример:

Похерили обязанности, скопом,

Все к дьяволу спроворили – гуляй,

Кути и пей до чёртиков, валяй

Какого хочешь Ваньку, хоть галопом

Пляши нагой, хоть заведи сто жён,

Хоть разведись с двустами – твой рожон!

Обязанностей нет. Есть только право.

Представили? Нет первого столпа

У здания. И что его судьба?

Дом рухнет. Ну а влево или вправо —

Куда как любопытственно!..

Я что

Хотел сказать примерами?

А то,

Что по святому праву первородства

Обязанностям следует вручить

Венец первоначалия.... учить
Азам я не хотел бы. Но сиротства,
Казнимости виною на земле
Мы отрицать не вправе!... Да, во зле
Однажды уличён, весь род греховный
Здесь искупает древние вины.
Какие здесь права ему даны?
Апостол Павел, пастырь наш духовный,
Недаром говорил: «**А если вам
Воздать не по Закону – по правам,
Остлся б хоть единый жив меж вами?..**»
Он знал, что говорил. Когда неправ
Весь грешный род людской, каких же прав
Востребовать он вправе?.. Мы правами
Увлечены, не помним ничего,
Ни милости Господней, ни Того,
Кто послан был нам всем во искупленье.
Нам строить, строить надобно!... А как
И что мы строим – храм, загон, барак,
Уж это нам решать. И здесь мы вправе,
Соизмеряясь небом, дать благой
Предел земным свободам... а какой?
Вот это и обсудим, не лукавя...»

18. Из главы 18

СИЛА ВТОРАЯ

(После возвращения с рынка, перед решительной встречей. Застолье. Отрывки речей)

.....

.....

...покуда

На стол Настёнка выставляла блюда,

Я мысленно готовил «главный бой»:

Под стопочку, да под пельмень с ядрёным

Огурчиком уже не столь мудрёным

Покажется наш сговор – думал я.

И не ошибся...

Благостно, вальяжно

На кресле развалясь, Данила важно

Витийствовал о кознях бытия,

О бренности его и о ничтожных

Душонках, им же купленных, подложных:

– «Всё гниль и дрянь кругом!.. Один лишь ты,

Один ты, отче, чудо-человече,

С тобой одним вести утешно речи,

Ты – человек! Живёшь без суеты.

А то всё мельтешенье, голошенье,

Ради гроша – согласишься? – Униженье
Снесут любое... хоть один бы кто
Насупился, взбрыкнул... так нет же, гады,
Всё, что угодно, вылизжут. И – рады!
Валютки только посули... а что?
И посулю. И дам, когда в охотку.
А там и позаткну любую глотку
Рублём, валютой, брюликом... чем хошь...»

.....
.....
...а может и Данила, и Данила
Из тех, кого тревожно поманила
Неведомая силаща?.. Бог весть.
Тем лучше. Тем вернее будет спайка...
А вообще хорошенькая шайка
Наметилась. Сумею ль их завести?
Да нет, не то! Суметь – необходимо.
А что до странной дружбы?..
Никодима
И впрямь занятна суть: всеведущ, дюж.
Скорее же всего здесь и не нужно
Гадать особо, – искренняя дружба
Двух одиноких, беспокойных душ...

.....
.....
...Изот... ну, это дикое дитя.

Такой нам пригодится. В деле нашем
И костолом не лишним будет. Стражем
По крайней мере сделаем... хотя,
Как знать, быть может, всё и обойдётся,
И миром порешим?..
Ну а придётся
Вступить в борьбу – один такой шутя
С десятком сладит. Впрочем, будет видно...

...признаюсь, даже чуточку обидно
Мне стало: как вошли они, тотчас
Настёнка вокруг него захлопотала,
Залепетала что-то, зашептала,
Вся засветилась, словно бы про нас
Забыла вовсе... ласковое что-то
Молчун ей пробурчал, вполоборота
Обнял, поцеловал и, прахоря
Отбросив, к нам вошёл, сел истуканом...
Она и вьётся вокруг него, и станом
Осиным изгибается, даря
Закусочками, водочкой, поближе
Приборы подвигает: мол, прими же,
От чистой, мол, души, от сердца, мол...
И вспомнил я, она же без утайки
Сама всё рассказала! – Он у шайки
Отбил её, он в этот дом привёл!

*И – отлегло в душе...
да ведь она же
Сама растолковала всё, и даже
Условие поставила, с моим
Согласное вполне. Сейчас задача
Не разобидать, а сплачивать. Иначе
На мировых ветрах не устоим...*

*Всё. Решено. Спокойно, без эмоций
Следим за ситуацией... негоций
Чураться не резон... и стол весьма
Недурно слажен... разве что немножко
Однообразно – мясо да картошка,
Пельмешки да соленья, да сама
Хозяюшка застолия, водчонка.
Попользуем. Попользуем и тонко
В беседу вникнем. Время подойдёт —
И речь возьмём, и в русло речь направим,
А там акцентные нужные расставим.
Чутье, надеюсь, тут не подведёт...*

.....
.....
*...давай же, отче, теши гостей, занятно
Витийствуешь!.. Пока что непонятно
Как этот лиходеи иль асмодей
Такую силу взял, такую стаю*

Взял под крыло?..

Но – ничего. Считаю,

Само всё прояснится. Попоздней.

19. Из девятнадцатой главы

ПЕРВАЯ СИЛА

(Отрывки из предвыборной речи на городском собрании «асмодея» Данилы. —
Будущего Главы города)

.....

.....

«...свобода?.. Боже мой, соблазн исконный!..

На нашей с вами снежной стороне

Знак Севера указывает мне

Суровый путь, быть может, путь студёный.

Я так скажу вам, братья!..» —

Тут, помедлив,

Он оглядел внимательно наш сход,

И убедился – не скучал народ.

Все слушали. Вечерняя прохлада

На город опустилась, сквозь листву

Поблескивали звёзды. Синеву

Сменяла тьма. Из городского сада

Сидельцы по беседкам у пруда

И те снялись, и те пришли сюда.

Речь удавалась!..

.....

.....

«...когда бы вы решили, что к лицу

Хотя б таким, как сам я, пришлецу
Доверить власть, я б для начала ввёл
Приоритет закона. Произвол
Свобод и прав отбросил, всех людей
Закону подчинил, и без затей
Вершиной властной так бы и оставил
Градского Голову. Но только тут,
Придав ему значительный статут,
У думцев полномочий поубавил.
Второе. Только гласных на собор
Я стал бы звать отныне. Но отбор
И этих произвёл бы. Многовато
Блаженных, пустомель, говорунов.
Урезать – вдвое! Из других основ
Отсечь совет старейшин. Туговато,
Неспоро мыслят, действуют. Их прок
Внучатам на дому давать урок...

Отсюда новый вывод – может быть,
Решительный: не медля застолбить
Круг горожан почётных. Он, возможно,
И станет главной крепью, тем звеном,
Что верх и низ скрепляет. В основном
Здесь должен быть представлен слой торговый,
Ремесленный, кто трудовым рывком

И сметкою поднял себя, на ком
И держится уклад многовековой.
Ещё. Порядкам прежним вопреки,
Ни о каком общественном совете
Не может речи быть. Скажу ясней:
Власть у Главы? Вот и считайся с ней...

.....
.....
...но, деспотом сочтя меня, князьком,
Припомните, он лучше вам знаком, —
Ваш прежний Голова. Нет, я корыстью
Его не попрекну. Но весь хаос,
Махрово распустившийся, возрос
Не при его ль правлении?.. Смирись я
С порядками бывалыми, доход
Я личный лишь умножил бы, да вот,
За общество обидно, за толковых
Работников... ведь можем, чёрт возьми,
И воротить дела, и быть людьми,
Но вязнем, вязнем в сатанинских ковах.
А прежний... тот не плут, не чинодрал,
Приятный человек, но... либерал...

Как ни крути, а всё признаться надо:
Был слишком благодушен Пров Кузьмич.
Теперь спроси – не сразу и постичь:

Как только избран был Кузьмич когда-то?
Однако же, избрали... всяк в душе
Прикидывал, однако, — с ним уже
Я развернусь! При нём уже на воле
Крыла расправлю!.. Только вот крыла
Расправили другие... и пошла
Вся эта свистопляска. Но уж коли
Такое пережили мы, теперь
Сам Бог велел открыть другому дверь...»

И ведь поверили пришельцу, ведь открыли!
И вот живём, усердствуем. Орлом
Взмыл новый наш Глава. Он поделом
Воздал тут кой-кому, подрезал крылья.
Всю нечисть поразмёл и наперёд
Надолго заказал беспутным ход.
Избрали мы его... тогда ж избрали.
При малом противленьи меньшинства
Права на власть вручили...

Года два
Смутьяны никого не задирали.
А ныне разговорчики пошли,
Мол, ни к чему они не привели,

Драконовские меры, — малой шайки,
И той уже не в силах повязать.
Где логика, где власть!?. Что тут сказать?
Я сам считал, что лучше без утайки
Дом окружить, всех взять, и на миру
Открыть их потаённую игру.
Однако ж план, секретно утверждённый
Самим Главой, был тоньше и хитрей.
Что толку, мол? Возьмёшь их, как угрей,
И выпустишь. Суд непредубеждённый
Не сможет их виновность доказать.
И в чём она?.. Тут надобно вязать
Помельче сети. Надобно сторожко
Намеренья их выведать, тайком,
Окольно окружить, узнать в каком
Преступном направлении дорожка
Туманная намечена...

умно
Задумано, нет слов. Но суждено
Отныне, видно, план переиначить —
Мы узнаны в намерениях! Сбор
Пора трубить. Сегодня же!..
Упор
На гласных сделать. Переобозначить

Подозреваемых. Чего уж тут скрывать?
Преступниками надо их назвать
И точка!.. За почётных, в коем круге
Я сам не из последних, я могу,
Пожалуй, поручиться. Обегу
Их тотчас же. И дело не в испуге. —
Сплотиться надо загодя! Итак,
Черёд для сборов. Время для атак...

20. Из главы 20

СИЛА ВТОРАЯ

.....
.....
(Тут сокращённое продолжение «решительного»
застолья).

.....
.....
*... всё стихло за столом. Изот, как Будда,
Сидел недвижно...
«А не шибко круто?» —
Как будто говорил, прищуря бровь,
Расстрига, но молчал. Донат тихонько
Толкал ногой — давай, мол, жми!.. Настёнка
Кивнула чуть заметно: «Только дров
Не наломай...». А «Сам» лишь веселее
Глядел в глаза — отчаяннее, злее!..*

*И я рискнул:
«Ну вот, представим вместе:
Приходит некто в гости, честь по чести
Отмякнуть, оттянуться от души, —
Богатый человек. Что не скрывают.
И вдруг его внезапно подбивают*

На странную афёру... да притом
Кто подбивает? Не хозяин места,
А некий тип, о коем то известно,
Что лишь вчера попал он в этот дом.
Представили?.. Теперь ответь попросту:
Что надо аферисту и прохвосту,
Почти что побирушке без гроша
В тот дом проникшему? Чего ему тут надо
От воротилы щедрого? Понятно,
Известно что. Конечно, барыша.
Ведь вот расклад!.. И я не укоряю
За недоверье. Большие – одобряю
Такую осмотрительность! Вопрос
О круговой продажности приемлю
Как есть. Я повидал людей и землю
И сам не так уж безоглядно прост...»

.....
.....
...«Сам» улыбнулся: да, какого ляха
Я должен верить всякому, чья ряха
Не брезжила мне даже и во сне?
Порукой Никодим, я не прижимист.
Но всё-таки проверочку на вишивость
Устроить не мешало. И вполне
Достаточно. Я вижу, ты людишек
Маленько понимаешь. А излишек

Словес и клятв мне вовсе ни к чему.
Тут главное – масштаб и бескорыстие
Задуманного дела...
соберись я
И впрямь встряхнуться, лучше к твоему
Примкну безумству, чем к надёжной, пресной
Земной возне, давно неинтересной,
Давно меня не трогающей. Здесь
Откроются, быть может, горизонты
Иные... но представил лишь резон ты,
А вот теперь подробный план свой весь
Раскрой нам, нам грешным... Отче мне лишь кратко
«Верхушки» набросал, а где подкладка?
Где суть? Ты вот что, ты теперь давай уж, брат,
Начистоту... мысль может быть прекрасной,
А если это вирус, да опасный?
Попустишь, будешь сам потом не рад...»

Ну что ж, видать не зря я гнул и гробил
Судьбу и время. Час, похоже, пробил.
Теперь – не оплошай!..
Издали
Начавши путь, даст Бог, придём к искомой,
Давно мерцавшей точке, мне знакомой,
Но им ещё неведомой пока...

21. Из главы 21.

ПЕРВАЯ СИЛА

.....
.....

...итак, на штурм!.. Всех слобожан, посадских
(Из горожан почётных) всех, кого
Наметил, обежал. Ни одного
Вопроса впусе, шуточек дурацких
Ни в ком не встретил. Понимали все:
Мы заодно, мы в некоем колесе,
Мы просчитались.
Кабы я один!..

Как выяснилось, многие престранный
Взгляд на себе ловили сквозь туманный
Поклон при встрече. Некий господин
Весьма учтивый (дьявола примета)
В плаще до пят, в очках под шляпой (это
Зловеще отмечалось), на ходу
Раскланявшись в толпе, с полузаметной
Усмешечкой, как будто бы ответной
Улыбки и не чает, на виду
У всех, паршивец, змеем изовьётся
И так бочком, бочком, глядишь, завьётся

В заулочек извилистый... вдогон
Припустишь, поочухавшись... да где там!
Тебе ж навстречу – он. По всем приметам —
Он самый! Час спустя, как фон-барон,
Идёт, не узнавая, ворота
Надменно рожу... он же, он!.. Хотя,
Как будто и не он... уже иная
Одежда, стать, и шаг совсем иной.
Ни шляпы, ни очков... стоишь, чумной,
Как быть, что предпринять теперь не зная.
Да, многих так морочили...

И мне
В сравненьи с ними простенький вполне
Достался экземпляр – в одном уборе
Лядащеньком... и как они его
В свой круг ввели?.. А ведь за своего
У них Донатка. Точно. Я в дозоре
Не раз его у меченых ворот
Воочью зрел... загадочный народ!
Но, впрочем, Бог с ним... или чёрт (не к ночи
Помянут будь), важней, что не один
Тот оборотень (или господин)
Встречался нам, учтивостью мороча,
Но разные – по росту, по плечам,

По выправке и прочим мелочам.
Определённо разные. Артисты!..
Как можно за какой-то час-другой
Преобразить себя, причём с такой
Естественностью, точно аферисты
Всю жизнь учились этому...

А вдруг
Они и впрямь артисты, и вокруг,
Не на подмостках, а в самой натуре,
В театре жизни ставят свой спектакль,
Так, просто, потешаясь?..
Кабы так,

Откуда взяться тошнотворной дури?..
.....
.....

...нет-нет, исподтишка здесь взведены
Рогатки, не иначе, Сатаны!

И в этом окончательно уверясь,
Решили мы не медлить, а сей час,
Точней, сей вечер – прямо, без прикрас
Донести до Головы, что эту ересь
Терпеть не в силах дале. Большинство
За штурм скорейший...

.....
.....

порешили споро:

В шесть вечера, своих предупредив,
У Головы весь городской актив
Собрать без отлагательств. Прокурора,
Исправника, пожарника, судью,
Всех на вечерю тайную свою
Созвать... ну, прокурора (всё ж соседи)
Я взялся предуведомить. Зайти
Затем в собор (он тоже по пути)
Благословенья испросить в беседе
И в ней же Силуана испытать
На сей предмет – умеет отче дать
Совет разумный. Он не скажет вздора.
Не раз меня на дело вдохновил.
Толковый поп! С тех пор, как заменил
Блаженного отца Илиодора,
Во многом обновился наш приход.
Всё больше крепкий, молодой народ
На проповеди, затаив дыхание,
Стоит, внимает огненным словам...
И не случайно, доложу я вам,
Есть, есть к чему склонить своё вниманье...

22 Из Главы 22.

СИЛА ВТОРАЯ

(Здесь – отрывки речи «Героя-разрушителя» перед Данилой и будущими единомышленниками, героями самохода)

.....
.....
«...похоже, сроки

*Настали нам сойти с земной дороги,
Очистить землю от греха и тьмы,
Сгустившейся в несметной биомассе,
В умах, мозгах, делах, крови и мясе...
Такие – оскорбляем землю мы!..»*

.....
.....
(Здесь сон-виденье «Второго Героя». См. Приложение:

Подглавка 15. «Некто в Белом»)

.....
.....
*«...сон, или притча-сон?.. Там, заэкранно,
Как бы в немом кино, мне кто-то странно
Озвучивал его и двигал свет
То на фигуру в Белом, то на ясный,
Великолепный космос, несогласный*

С бесчинством нашим. И я понял: нет,
Нет Человека на земле в нетленной,
Высокой ипостаси. Есть – томленье.
И – Замысел о Человеке. Он
Лишь в чаяньях живёт, в предположенье
Что где-то ждёт его Преображенье,
Что будет он чудесно обновлён.
Как? А проста. – Словцом, волшебной фразой...
И станет он зелёной светорасой,
Вдруг осиянной светом, напрямик
Всей жадной кровью к солнцу подключённый,
И весь свой прежний облик зло кручённый
Избудет враз и всё забудет вмиг.
Теперь ему убоины не нужно,
Теперь он друг всему живому, дружно
В ладу с землёй и с братьями живёт,
Купается в ручьях, в потоках света,
И вот – вздохнула, расцвела планета...

.....
.....
...красивый вид? Конечно... только вот
Вопросец есть, поставленный сурово:
А что как от него, ну вот такого,
Каков теперь, уже давным-давно
Бог отвернулся, и вполоборота
Прибавил: «А судьбу сего народа

*Отдать в его же руки решено...» —
Ну, что тогда? Тогда, я мыслю, скудный
Оставлен выбор нам: самим свой трудный
Путь покаянья, очищенья путь
По скрупулам пройти, путь становленья,
К чему, увы, не вижу ни стремленья,
Ни силы в человеке. Иль — свернуть,
Совсем свернуть с планеты. Что реально.
О чем я и хотел теперь детально
Поговорить и план представить свой...»*

23. Из главы 23

ПЕРВАЯ СИЛА

(Здесь восстановлен отрывок об отце Силуане, местном настоятеле. Подробнее о нём см. в Приложении. Глава 18.«Силуан»)

.....

.....

...есть, есть к чему склонить своё вниманье. —

Учён, всеведущ. Главное же, суть

Из пут умеет выпростать, и будь

Несведущ вовсе ты в духовном слове,

Так ясно пред тобою развернёт

Картину мира, так прочертит ход

Истории родной, что будто внове

Глаза свои раскроешь на секрет

Провалов исторических и бед.

Мыслитель! Духовник и мне, и всем...

Не зря, видать, легла дорога к храму:

Спрошу и Силуана самого,

А, может, и послушницу его —

Иринью повстречаю...

не для сраму,

Нет-нет, не до того теперь, совсем

Не до того...

24. Из главы 24

СИЛА ВТОРАЯ

.....
.....
(Продолжение «решительного» застолья)
.....
.....

...я оглядел застолье. Терпеливо
Внимали, черти, не прося долива
«Водички разговорчивой», живой.
Настёнка, словно в песне стародавней,
Сидела, подперев рукою плавной
Иконный лик. Изот – скалой скала
Темнел, как влитый. Но в тяжёлом взгляде
Как будто просыпалось что... да ради
Хотя бы только этого была
Не зряшнюю попытка!.. За Доната
Я был теперь спокоен, как за брата.
Мы и сидели с ним к плечу плечо.
Ну, Никодим, актёрская натура,
Скрестивши руки на груди, столь хмуро
Вперял в меня свой взор, столь горячо
И пристально – «взыскательно», что, ясно,
На публику работал. И прекрасно.
Всерьёз меня заботил здесь сейчас

Лишь «Асмодей», хозяин положенья...
Откинувшись на кресле, выраженья
Он явно не менял ни губ, ни глаз,
Сидел себе, свободен, независим
От «всяких там» химер, фантазий, истин,
Что как бы и подчеркивалось всей
Его фигурой, но и в благодущьи
Уже читалось: «Засеваешь души
Соблазнами? Ну, сей, пожалуй, сей...»

.....

.....

(Отрывки главной программы «Второго Героя»)

.....

.....

... – «Я не самоубийца. Знаю меру
Подобного греха. Отцову веру
Хотя не исповедую, но чту.
И план подробный самоустраненья
Даю затем, чтоб не было сомненья —
Я к самоискуплению веду.
Что важно? Устремиться на глобальный,
На главный подвиг: разверстать детальный
План общей консервации земли. —
Не в том, конечно, виде безобразном,
В каком она теперь, но лишь в согласном
С преданьем, то есть в том, какой нашли

*Её когда-то пращурь, впервые
Шаги, как оказалось, роковые
По суше пролагая...*

Из воды

*Едва восстав и шумно отряхнувшись,
Чудовищная хищ, в ряды сомкнувшись,
За доблестные принялась труды:
За камни взялись, мамонтов побили,
Руду расколдовали, раздолбили,
Как плод запретный, страшное ядро
Первоначал. И с круга вечной тверди
Вразнос пустили – время. Время смерти.
За дело, в общем, принялись добро...*

.....

.....

...жизнь – чёрный промежуток, чёрный поезд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.